



..ПОД МАЯТНИКОМ..

СОЛНЦА

РОМАН

ОФЕИРИ



ДЖАННЕТ ИНГ

ЛАУРЕАТ БРИТАНСКОЙ ПРЕМИИ ФЭНТЕЗИ

Мастера магического реализма (АСТ)

Джаннет Инг

Под маятником солнца

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Инг Д.

Под маятником солнца / Д. Инг — «Издательство АСТ»,
2017 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-121491-3

Во время правления королевы Виктории английские путешественники впервые посетили бескрайнюю, неизведанную Аркадию, землю фейри, обитель невероятных чудес, не подвластных ни пониманию, ни законам человека. Туда приезжает преподобный Лаон Хелстон, чтобы обратить местных жителей в христианство. Миссионера, проповедовавшего здесь ранее, постигла печальная участь при загадочных обстоятельствах, а вскоре и Лаон исчезает без следа. Его сестра, Кэтрин Хелстон, отправляется в опасное путешествие на поиски брата, но в Аркадии ее ждет лишь одинокое ожидание в зловещей усадьбе под названием Гефсимания. А потом приходит известие: Лаон возвращается – и за ним по пятам следует королева Маб со своим безумным двором. Вскоре Кэтрин убедится, что существуют тайны, которые лучше не знать, а Аркадия куда страшнее, чем кажется на первый взгляд.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-121491-3

© Инг Д., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Часть первая. Гефсимания	6
Глава 1. Прибытие «Безмолвного»	6
Глава 2. Сестра в башне	13
Глава 3. Солнце над горизонтом	18
Глава 4. Птица в клетке	23
Глава 5. Подменыш в часовне	30
Глава 6. Полуночные мистерии	37
Глава 7. Башня в саду	42
Глава 8. Слова в книге	49
Глава 9. Пес среди тумана	51
Глава 10. Брат в холле	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джаннет Инг

Под маятником солнца

Jeannette Ng

Under The Pendulum Sun. A Novel of the Fae

Copyright © 2017 by Jeannette Ng

Cover illustration: © John Coulthart

© Мария Акимова, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*К сказочным историям нашего детства
Я добавляю этот апокриф*

Часть первая. Гефсимания

Глава 1. Прибытие «Безмолвного»

Великие древние империи магометан и язычников содрогнулись перед доблестным британским оружием, мужество и силу которому придавал сам БОГ. Прочные и доселе неодолимые преграды рухнули, и Благой вести открылся путь в самые отдаленные уголки мира.

Благодаря этому доступной стала Палестина, и теперь англичане могут свободно путешествовать по всей Святой земле. Продолжают шириться наши владения в Индии, и перед слугами Божьими открываются все новые и новые поприща. А Китай, чьи неприступные ворота распахнула война, взывает к истинно верующим.

Но именно земли фейри сильнее всего притягивают наши взгляды. Бескрайняя, неизведанная Аркадия, многие века закрытая и от нас, и от Слова Божьего, наконец сделалась ближе и понятней. А поскольку по чудесному замыслу Господа нашего именно Британия получила высокую и исключительную честь сокрушить препоны, то она и должна первой принести в эти края бальзам благословенного Слова Божьего.¹

*Преподобный Уильям Э. Мэтисон. Воззвание от имени Аркадии.
Газета «Мировые новости», 5 декабря 1843 года*

Мы с братом росли в мечтах о новых землях.

Библиотека у нас дома была довольно скромной, но наш отец выписывал все самые популярные журналы, которые с радостью проглатывались от корки до корки. Мы слонялись у ворот, поджидая почтальона, приносившего свежую пищу для нашего изголодавшегося воображения, и от скуки рассказывали друг другу истории о том, что *могло бы* случиться. Помню, как-то мой брат Лаон нашел в глубине кармана одного из наших оловянных солдатиков. Красная краска на том почти стерлась, и бедняжка смотрел на меня с многострадальным выражением лица. Я выхватила солдатика у Лаона из рук, объявила его герцогом Веллингтоном и убежала, заявив, что мы отправляемся в путешествие. Как лорд Байрон или Марко Поло.

Мы придумывали для наших солдатиков целые миры: Гаалдин, Экси́ну, Алькону, Заморну. Узнав из отцовских книг о паломниках, миссионерах и исследователях, принялись сочинять истории о невероятных похождениях. Длинные и запутанные. Читая об открытии Америки, Дальнего Востока и удивительной Аркадии, добавляли похожие земли на наши становившиеся все более и более сложными карты. Подражая газетам и журналам, писали для наших оловянных солдатиков новости, где в мельчайших подробностях рассказывалось об их подвигах, политической жизни оловянных парламентов и светских скандалах.

Но, несмотря на все это, выдумки наши оставались скромными и провинциальными. Тропики и пустыни из детских небылиц наполнялись теми же дубами и осинами, что росли в нашем саду. Причудливые сооружения, которые мы возводили на придуманных землях, были всего лишь приукрашенной белой церквушкой в Берд-форте. На неведомые края проливался тот же самый йоркширский дождь, что загонял нас домой, а там, вымокшие до нитки, мы стаскивали сырую одежду и сидели, словно привязанные, пережидая непогоду и отчаянно нуждаясь в развлечениях.

¹ Чуть видоизмененный отрывок «Воззвания от имени Китая» из книги Джейкоба Томлина «Миссионерские дневники и письма: написанные в течение одиннадцати лет проживания и путешествий среди китайцев, сиамцев, яванцев, хассиев и других восточных народов».

По существу, я так никогда и не смогла представить себе настоящую Аркадию.

И, заметьте, все истории о ней были мне известны. Первые путешественники по возвращении рассказывали ошеломительные вещи: «Я был слеп, пока не увидел Фейриленда, а нынче прозрел», «Ни красок, ни пышности, ни чудес не знал я до того, как не увидел берегов Аркадии». В дальнейшем слова путешественников становились прозаичней, но достойных описаний попрежнему никто из них не предлагал. Карт было мало, изображений – еще меньше, к тому же почти все они были объявлены фальшивками теми или иными исследователями.

О скольких бы противоречивых теориях я ни читала, но просвещеннее не становилась. Поговаривали, что Фейриленд располагается под землей, но это было не так. Что он накладывается на наш мир, но снова нет. Что это какое-то иное место, но и это не было правдой.

Единственное, что было доподлинно мне известно, – наш корабль «Безмолвный» шесть недель ходил кругами по Северному морю. На рассвете первого дня седьмой недели дрожащая стрелка моего компаса сообщила, что мы направляемся напрямик обратно в окутанный смогом Лондон.

Я нервно стиснула компас. Его подарил мне брат, перед тем как отправиться миссионером в Аркадию. Брат стал одним из первых, кому доверили нести Слово Божье «чудесному народу». Лаон провел у них уже три года и в своих письмах был исключительно скуп. И сейчас я пыталась подавить охватившее меня беспокойство, но оно лишь сильнее сжимало мое сердце.

Именно в тот момент я и увидела впервые Фейриленд.

Ослепительно-белые скалы вздымались из белоснежной морской пены. На мгновение я испугалась, что это Дувр и что корабль просто вернулся к самым обычным меловым утесам, а, значит, неведомые земли меня вовсе не ждут.

Но это не мог быть Дувр, слишком уж белыми и совершенными выглядели скалы.

Я ожидала разглядеть за ними родные холмы, но вместо этого увидела неровный горный пейзаж, который словно лезвие ножа выступал над поверхностью моря. Каждая деталь казалась до боли знакомой, но, собранные вместе, они противоречили друг другу. Я узнавала ухмыляющийся профиль холма и похожий на костяшки пальцев гребень горы, но стоило ветру и волнам перемениться, и все снова начинало казаться чем-то другим, а мои глаза от напряжения наполнялись слезами.

«Безмолвный» чайкой скользнул в широкое устье реки. На фоне зелено-серых берегов рассыпающимся строем раскинулись непривычные сооружения. Прищурившись, я разглядела узкие башенки, остроконечные крыши и причудливо склоненные стены. На мгновение город показался мне громадным драконом, который свернулся вокруг гавани и выдыхал дым из раздувающихся ноздрей. Он замерцал, черепичные крыши начали выглядеть чешуей, а затем город *шевельнулся*.

Я моргнула, и здания вернулись на прежнее место. Не было никакого дракона. Был всего лишь город с многолюдными улицами.

Палуба корабля вздымалась под нашими ногами, словно спина норовистого жеребца. Среди матросов раздавались окрики, которых я не понимала. Поднялась суeta. Матросы карабкались вверх и вниз по тросам и таскали с места на место канаты, бормоча под нос защитные заклиния. Я хотела упрекнуть их за суеверие, но мы плыли в Аркадию, и мои возражения не имели никакого смысла.

Я старалась держаться в стороне, пока матросы богохульно крестились во имя соли, моря и суши.

Ветер, в котором чудилось что-то неестественное, закружил вокруг судна, заставляя его раскачиваться. Хлопали паруса, надуваясь и сдуваясь при каждом порыве. «Безмолвный», казалось, ожил. Юнга обнял нос корабля и принялся ласково с ним ворковать.

Прошло довольно много времени, прежде чем корабль приручили и доставили к берегу.

А затем я просто оказалась там, неуверенно ступив с палубы на покачивающийся причал. Извилистые улицы, наполненные похожими на людей созданиями, напомнили мне суетливый Лондон.

После морского путешествия непривычно было ощутить под ногами неподвижную землю, и я покачнулась. Моя дорожная сумка и сундук присоединились ко мне на причале, я нащупала свои документы и оглядела толпу в поисках проводника, стараясь не замечать странностей, присущих каждой фигуре, – крыльев, рогов и необычного окраса. Когда вещи будут распакованы, а я найду брата, хватит времени и на чудеса Аркадии.

– Мисс Кэтрин Хелстон, я полагаю? Сестра миссионера?

Я обернулась. Женщина со вздернутым носом, округлым подбородком и ласковыми карими глазами была, наверное, одной из наименее возвышенных людей, которые когда-либо мне встречались. Ниже меня ростом, она казалась высокой и стройной из-за неподвижности ее длинных юбок, которую не нарушали ни шуршащие волны, ни складки. Одежда на женщине была унылых, мертвенных цветов – платье грязноватого темно-синего оттенка и скорее серая, чем белая, шаль.

Стоило мне кивнуть, и улыбка залила ее веснушчатое лицо.

– Я сразу поняла, что узнала вас, – произнесла женщина. – Вы очень похожи на своего брата.

– Разве?

Несмотря на одинаково темные волосы и внушительного размера носы, мало кто замечал наше с Лаоном сходство – привлекательные в мужчине черты, повторенные в теле женщины.

– Я – Ариэль Давенпорт, о чем, уверена, вы знаете. Ваш гид.

– Очень рада наконец-то с вами познакомиться, – ответила я. Приглатывая к путешествию, мы обменялись несколькими письмами через миссионерское общество.

Обеими руками она схватила мою ладонь, энергично встряхнула и, внезапно налетев, торопливо поцеловала в обе щеки. А затем добавила, улыбнувшись еще шире:

– Хотя я и не настоящая.

– Я... я не совсем понимаю.

– Видите ли, я не настоящая Ариэль Давенпорт, – в ее смехе звучала какая-то неприятная нотка, слишком уж он был ломким. – Я ее подмениш.

– Подмениш?

Поговаривали, что многие посредники между фейри и людьми были подменщиками. По слухам, один из ботаников капитана Кука, прибыв в Аркадию, узнал о своем родстве с фейри и был привлечен к их делу. Несмотря на такие истории, подмениши казались мне все-таки не вполне реальными. Но с другой стороны, при моей замкнутой жизни и французы казались не вполне реальными.

– Значит, вас растили, как ее...

Мое невежество заставило Ариэль Давенпорт раздраженно вздохнуть и закатить глаза:

– Она была человеческим дитятей, а я – волшебным подобием человеческого дитяти. Мы поменялись местами. Я выросла там, а она – здесь.

– И что с ней стало? – спросила я.

– Не по мне о таком рассказывать, – она обезоруживающе улыбнулась одним уголком рта и добавила, безупречно правильно выговаривая слова: – А спрашивать о таком едва ли пристойно.

– Простите... простите меня, – пробормотала я и опустила глаза.

Няня Тесси хранила возле наших с братом кроваток стальные ножницы, дабы отпугивать похитителей-фейри. Однажды от бессонницы и скуки я предложила Лаону закрыть ножницы, чтобы те перестали напоминать крест, и пригласить фейри в гости. Брат пришел в ужас. И поэтому я никогда больше подобных идей не высказывала.

– Как бы то ни было, теперь я снова здесь. Потому что полезна и понимаю вас, людей, – сказала мисс Давенпорт. – Кстати говоря, я очень небрежно отношусь к своим обязанностям. Вряд ли стоит заставлять вас болтать тут целый день, – она махнула поджидавшему носильщику, чтобы тот поднял на плечи мой сундук. Желтоватая кожа носильщика отливала зеленым, когда на нее падал свет.

По дороге до нашего чуть скругленного по углам экипажа мисс Давенпорт что-то напевала под нос. Я старалась не засматриваться на яркие жабры носильщика, пока тот грузил мой сундук и сумки. Он привязал их к высохшему черенку, торчавшему посреди крыши кареты.

– Как далеко до Гефсимании? – спросила я, и стоило только прозвучать названию конечного пункта, как зловещая дрожь прошла у меня сквозь тело.

– Той, что миссионер зовет сумбуром? – уточнил кучер.

– Полагаю, что да, – ответила я. – Там живет преподобный Лаон Хелстон. Хотя, думаю, название этому месту дал его предшественник.

Кучер хмыкнул и отвернулся.

– Вы мне не ответили, – настаивала я. Возможно, предшественник Лаона слишком увлекся, заслуживая себе венец мученика. В конце концов, по какой еще причине можно назвать здание в честь сада, где Христос провел свои последние часы перед распятием? – Как далеко до Гефсимании?

Кучер что-то проворчал под нос, и кожа на его переносице сморщилась, точно меха аккордеона:

– Два откровения и одно прозрение? Нет, должен быть путь покороче... Два тягостных воспоминания и одна меч...

– Шестнадцать миль, – перебила его мисс Давенпорт, – это в шестнадцати милях отсюда. Мы прибудем задолго до темноты.

Я неуверенно кивнула.

– Он говорит так для приезжих, – добавила она, сверля взглядом бормочущего кучера. Едва я забралась в экипаж, нестройный перезвон колоколов пробил полдень.

Все еще придерживая дверцу, я обернулась и посмотрела вверх. Дыхание перехватывало, сердце разрывалось от предвкушения. Я столько читала о маятниковом солнце Фейриленда и по своей глупости чуть ли не ждала, что оно качнется в небе, прежде чем устремиться на восток. Точно кулон, с которым я экспериментировала, пытаясь понять, как это работает.

Разумеется, все оказалось совсем не так.

Солнце выглядело заметно больше того, которое сопровождало меня всю жизнь. Но в остальном казалось точно таким же и жгло глаза, пока я в него всматривалась.

– Оно не *настолько* быстро движется, – произнесла мисс Давенпорт. – Просто глянув вверх, ничего не увидишь. Даже в полдень.

Я опустила взгляд. Из-за яркого света перед глазами плыли белые пятна. Я прикрыла веки и прижала к ним прохладные пальцы. Конечно же, я знала, что ничего не увижу. Дни в Аркадии ничуть не длиннее обычных.

Однако искушение было слишком велико.

– Простите. Мне стоило догадаться, – пробормотала я, забираясь обратно в карету и усаживаясь на крапчатую обивку сиденья. Ведь знала, что нахожусь на самой окраине Фейриленда и многих странностей маятниковой траектории солнца отсюда не заметить.

– Когда ваш брат впервые приехал, он поступил точно так же, – сообщила мисс Давенпорт.

Я улыбнулась и, несмотря на разделявшее нас с Лаоном расстояние, снова почувствовала близость с братом.

Мы с ним были неразлучны с той самой секунды, как я вернулась из школы для дочерей священников. Произошло это после смерти нашей сестры Агнесс. Мне было семь с половиной лет. Меня попросили коснуться губами холодной кожи мертвого тела, а я старалась не думать о стоявшем на столе гробе. О том, что покойница выглядит переодетой в платье сестры незнакомкой. О том, до чего пустым казалось тогда обещание жизни за пределами этого мира. Мои пальцы сплелись с пальцами брата, но я не чувствовала тепла его ладони, пока мы стояли и смотрели, как гроб глотает земля.

– Гефсимания не очень далеко, – прервала мои размышления мисс Давенпорт, – но за пределами Сезама, ну, вы понимаете, портового города. Немногие люди перебираются за его пределы. Почти всех остальных миссионеров мы разместили в Сезаме или в каком-нибудь из других портов. Там, знаете ли, все гораздо более мирское. Хотя, возможно, это не имеет значения. Вас вот карета не встревожила.

Я оглядела простое деревянное убранство экипажа и обивку из телячьей кожи, покрытую сбивающим с толку узором царепин.

– Сиденья немного комковатые? – осмелилась предположить я, пересаживаясь на жесткую подушку.

– О, да. Ткань – это... Мы всего лишь *одалжили* шкуру у коров.

– Что? – Мое недоверие было вполне понятно.

– По правде сказать, это моя вина, – застенчиво произнесла мисс Давенпорт, почесывая вздернутый носик. – Мастера понятия не имели, что такое карета, поэтому пришлось ее описать. Я сделала это не совсем верно. Или, скорее, меня не совсем верно поняли. Стараюсь не совершать подобных ошибок, но тогда очень торопилась, а тамошние рыбы мозги работают уж очень на свой манер. Им привычнее создавать животных. Дело в том, что я позабыла упомянуть, что обивку делают из кожи *мертвых* коров, поэтому здесь...

– Как он там? – перебила я.

Мне едва хватило смелости спросить о брате. Мысли о нем ледяными пальцами сдавливали горло. Якобы живая обивка шевелилась подо мной, карета грохотала, а я чувствовала себя крайне плохо. Долго, слишком долго я держала тревогу в узде, а теперь, когда на горизонте замаячила новая отсрочка, владеть собой стало еще тяжелее.

– Лаон. Мой брат... То есть преподобный.

Мисс Давенпорт пожала плечами:

– По правде, и не знаю, что на это ответить. Он такой, каким я всегда его знала. Живой и здоровый. Думаю, вы об этом беспокоитесь? – Она нахмурилась, и высокий лоб покрылся морщинками.

– Я... Да, об этом. И очень сильно.

Я так крепко обхватила себя руками, что разболелись пальцы. Пришлось заставить ладони расслабиться. Брата я увижу уже совсем скоро.

– Ну и ну! Шутить-то куда сложнее, чем мне помнится, – из-под перчатки, прикрывшей лицо мисс Давенпорт, раздался похожий на пронзительное чириканье смех. – Все с ним в порядке. Лучше, чем с миссией, по правде говоря. Не стоит мне этого говорить, но в здешних краях нелегко быть миссионером. Он проводит службы, на которые никто не приходит, умоляет о доступе к остальной части Фейриленда и задает всем вопросы об их... – она прочистила горло и продолжила низким, тягучим голосом, – космологическом и метафизическом значении.

Я попыталась рассмеяться, но у меня не получилось.

– На него это не похоже.

– В том-то все и дело, – парировала она. – Это и веселит.

После непродолжительного молчания мисс Давенпорт заполнила тишину экипажа непринужденной светской болтовней. Она описывала мне свойства маятникового солнца и

лунной рыбы. О многом из сказанного я уже читала, но было славно отвлечься на беззаботный щебет моей спутницы. Мне пришлось слишком долго оставаться наедине со своими мыслями на борту «Безмолвного».

Я поймала себя на том, что манеры мисс Давенпорт интересуют меня куда больше, чем ее слова. Разглядывая и изучая жесты этой женщины, я пыталась заметить ее родство с фейри. На первый взгляд из-за своих веснушек и кривой ухмылки она казалась таким же человеком, что и я. И все же была в ней та неуклюжесть, которую молва приписывает подменным. Некоторый изъясн в их подражании людям. Тесси как-то велела мне прекратить истерику и вести себя пристойно, чтобы доказать, что я не подменна.

– Вы можете выглянуть, если желаете, мисс Хелстон. Окно открывается.

После некоторых усилий я справилась с задвижкой и высунулась наружу. Туман газовой вуалью окутывал колючие заросли, которые и являлись Сезамом. Мы были одни среди густой мглы, в которую убегала дорога. Нахмурившись, я разглядывала сторбленные кроны покрытых шипами деревьев. Небо над нами затянули тяжелые грозовые тучи.

– Погода не всегда такая, – сказала мисс Давенпорт, – но, по крайней мере, вы почувствуете себя как дома. Можно претвориться, что там, за туманом, торфяные болота. Это прогонит вашу тоску по родным краям.

– Я не тоскую по родным краям.

– Это пока.

Взгляд мисс Давенпорт метнулся к окну. Она колебалась. Видимо, ее общительность была вызвана неким невысказанным чувством. Рассматривая свои затянутые в перчатки ладони, она произнесла тихим голосом, который совсем не вязался с ее прежними манерами:

– Я выросла в Лондоне. В Спиталфилдсе.

Я ждала, не желая навязываться, когда она столь уязвима, и через мгновение поняла, что затаила дыхание. Я старалась не смотреть на нее, но все же бросили взгляд на умолкнувшую мисс Давенпорт и заметила нечто странное в выражении ее лица. Хотя и не могла сказать, связано ли это с какой-то тревогой или просто с ее внешностью.

Казалось, она взяла себя в руки – разгладила юбки и заправила за ухо выбившуюся прядь волос, тайком смахнув слезу.

– Я не плачу, – тихо произнесла мисс Давенпорт. – Не могу. А это всего лишь привычка.

– Я всего один раз была в Лондоне, – заметила я.

– Он просто великолепен, – оживляясь, с жаром подхватила она. – Нет другого такого места. Даже здесь. Ничего подобного.

Невозможно было сказать, небеса разверзлись над нами или это мы въехали в бурю, но едва первые капли упали на карету, мисс Давенпорт попросила закрыть окно. Дождь, коснувшийся моей руки, был до омерзения теплым. Но прежде чем я успела удивиться подобной странности, порыв ветра охладил брызги воды.

Наш экипаж замедлился, с чавканьем увязнув в грязи. Кучер спустился с козел на крыше, чтобы повести лошадь под уздцы.

Прошло несколько часов, прежде чем дождь ослаб настолько, что я смогла снова приоткрыть окно и выглянуть наружу. Разумеется, совершенно напрасно, поскольку взгляд не мог проникнуть сквозь темные клубы тумана. Отчасти из любопытства я открыла крышку компаса. Ожидала, что увижу, как его стрелка в нерешительности вращается вокруг своей оси, но она указывала более или менее прямо.

Значит, север был *там*.

Похожий на саван туман застилал все, что находилось за пределами болезненно-желтого света фонаря. Создавалось странное ощущение пустоты. Привычный птичий гомон или шелест листьев, которые я столь часто принимала как должное, попросту исчезли. Я убеждала себя, что это ничем не отличается от того ощущения оторванности от мира, которое спут-

ствуется любой буре. Что тишина – всего лишь непримечательная иллюзия, рожденная ветром и дождем, терзавшими экипаж.

В клубящейся пелене шевелились таинственные тени. Резкие линии, упиравшиеся в небо, наводили на мысль о суровых скалах и узких ущельях. Громады сменяли друг друга, и хотя я старалась не представлять их, мое воображение непроизвольно заполняло серый пейзаж, простиравшийся впереди. Полузабытые гравюры из «Путешествий капитана Джеймса Кука» и экзотические видения из «Зарисовок Нового Мира» начали заселять все вокруг.

И вот я уже различала в клубах густого тумана бесплотные лица сильфов, глазающих на меня, и силуэты резвящихся гномов, чья походка в моих фантазиях походила на важную поступь ланкаширских кур.

– Вон, теперь вы можете его увидеть! – Голос мисс Давенпорт вывел меня из задумчивости. Она указывала на дом моего брата.

Я моргнула. От звука ее голоса туман раздвинулся, словно занавес.

В своих редких письмах Лаон называл это место пансионом, и, несмотря на громкое имя – Гефсимания, – я не ждала ничего особенно грандиозного. Но сливавшийся с завесой дождя дом превзошел бы и куда более смелые ожидания. Это был не особняк, а скорее замок – переплетение шпилей и устремившихся к небу контрфорсов на вершине скалистой горы. Каждый камень причудливого здания выражал презрение к самой идее эстетической привлекательности и практической пользы. Безмолвное и одинокое, оно слишком напоминало скелет, чтобы называться живописным.

Огромное сооружение снова исчезло за густым туманом и кронами деревьев.

– Гефсимания, – пробормотала я.

Ее ворота с обеих сторон подпирали угловатые башни из темно-серого камня, смотревшие на, казалось, бездонную пропасть.

Мы остановились. Не было слышно ни шагов, ни голосов, ни других звуков, кроме громкого лязга тяжелых железных засовов. Я рассматривала заросшие мхом и белладонной стены. Под грохот цепей поднялась решетка, пропуская нас вперед. Затем со скрипом открылись ворота, и мы попали на внутренний двор.

Когда я наконец вышла из экипажа и оглянулась на контуры осыпавшихся крепостных стен, на меня нахлынуло чувство тревоги, от которого было не избавиться.

Почему из всех мест, которые фейри могли пожаловать брату, они выбрали именно это?

Глава 2. Сестра в башне

Возможно, действительно существуют бесчисленные миры, которые вращаются вокруг бесчисленных светил, как описывала в своих стихах леди Кавендиш. И эти странствующие миры на самом деле могут быть сокрыты от нас ярким светом своих звезд.

Но Аркадия не из таких.

У Фейриленда нет солнца в том смысле, в каком мы его понимаем. Солнечный цикл с восходом на востоке и закатом на западе – зрелище совершенно чуждое для этих мест, ибо они не вращаются вокруг пылающего светила.

Представьте себе яркий фонарь, висящий на конце длинного шнура. Затем вообразите, что он, словно маятник, раскачивается над поверхностью, давая свет по очереди каждой из ее частей.

Поверхность – это и есть Аркадия, а фонарь – ее солнце. Таким образом, на окраинах Фейриленда солнце достигает наивысшей точки, а затем начинает обратный путь. Точка равновесия маятникового солнца находится вблизи центра Фейриленда, непосредственно над городом Пивот. Там почти никогда не бывает ночи, поскольку солнце расположено достаточно близко, чтобы давать хотя бы сумеречный свет.

Таким образом, периоды света и мрака – я не решаюсь использовать слово «день» – очень различны на всей протяженности Фейриленда и зависят от расположения места под маятником солнца. На два светлых периода и относительную темноту в городе Пивот идет один период в дальних пределах. Те же места, что расположены между ними, переживают длинный «день», за которым следует «день» короткий.

Это делает исчисление времени в Аркадии, мягко говоря, довольно сложным процессом. Предлагалось назвать «днем» одно полное колебание, независимо от того, сколько периодов света и мрака переживают те, кто находится под маятниковым солнцем. Непоследовательное насаждение этой идеи лишь вызвало путаницу в дальнейшем.

В Фейриленде есть нечто схожее со сменой времен года, когда дуга солнечного маятника уменьшается, но поскольку продолжительность колебания, как и у любого другого маятника, не зависит от дуги, она остается постоянной. Таким образом, на окраинах Фейриленда, которые получают меньше тепла и света, наступает период, напоминающий зиму.

Кроме того, как мне говорили те, чьи слова заслуживают доверия, солнце – это фонарь в буквальном смысле слова.

Адриен Гюйгенс. О хронометрической природе небес Фейриленда, в переводе сэра Томаса Раймера и Коппелиуса Уорнера, 1839 год²

² Адриен Гюйгенс – отсылка к Христиану Гюйгенсу (1629–1695), нидерландскому механику, физiku, математику, астроному, изобретателю и одному из основоположников теоретической механики и теории вероятностей. Сэр Томас Раймер носит имя шотландского барда XIII века, персонажа кельтского фольклора Томаса Лермонта, также известного как Томас Рифмач (Thomas the Rhymer). В самой известной легенде о нем рассказывается, как Томас своей песней пленил сердце королевы эльфов, та отвезла его в волшебную страну и сделала своим возлюбленным. Имя Коппелиус принадлежит песочнику из новеллы Гофмана «Песочный человек» – существу, усыпляющему детей и ответственному как за приятные сны, так и за кошмары.

В цитадель вели широкая, похожая на хищную пасть, арка и истертые ступени. За распахнувшейся красной дверью нас встретила темнота.

– Похоже, мы застали их врасплох, – сухо заметила мисс Давенпорт, проходя в дальний конец залы и раздвигая плотные шторы. Внутрь, прорезая тучи испуганной моли и танцующей пыли, резко и неожиданно хлынул свет.

Фойе, обшитое панелями темного дерева и окаймленное ажурными балконами, выглядело грандиозно. Изысканные деревянные панданы свисали с перекрестий арочных сводов, которые поддерживали потолок. Сплетение изящных изгибов напоминало птичью клетку. Мрачные лорды и леди взирали на меня с портретов, которым явно не подходили их рамы. Несмотря на вытянутые лица и пустые взгляды, нарисованные казались очень похожими на людей. Почти все поверхности покрывала собранная за несколько жизней коллекция потертых гобеленов и выцветших ковров.

Это была легендарная обитель, богатая история которой писалась на языке, понятном мне лишь наполовину. Однако швы в тех местах, где древняя каменная кладка встречалась с современной кирпичной, были заметны даже моему взгляду.

Лоскутное одеяло из разных стилей намекало на длинную череду предыдущих владельцев, каждый из которых проявлял собственный эксцентричный вкус. Каждая отметина в известковом растворе, каждое старое окно в еще более старой стене, каждое изменение и добавление кладки говорили о некоем великом прошлом.

В холле появился невысокий гоблиноид с крапчатой кожей цвета серебристой березовой коры. Он представился мистером Бенджамин Гудфеллоу³, а затем низко и неуклюже поклонился.

– Я... я не ждал вас так скоро, – произнес он, запинаясь и шурясь на меня сквозь очки в проволочной оправе. – Преподобный в отъезде.

– Лаон уехал? – Я попыталась подавить вспыхнувшую тревогу, припомнив полученные письма. – Я думала...

– Уехал-уехал, – ответил гоблиноид, кивая. – Очень далеко. И так долго отсутствует. Скоро вернется. А мы делаем, что должны. Делаем, что можем. Делаем и суетимся. Для гостей всегда готова комната в башне. – Его бормотание стихло, а лицо сморщилось от раздумий. – Вы ведь его сестра?

– Да, – ответила я, – но где же Лаон?

– В отъезде? – произнес он, и голос его прозвучал залиистой трелью.

– Разве вы не знаете наверняка?

– Комната в башне, – решительно заявил гоблиноид. На мгновение я растерялась, но потом поняла, что он просто проигнорировал мой вопрос. – Да, сестра в башне. И подменши в зеленых покоях. Да, да. В этом есть смысл. Я провожу вас.

– Что ж, благодарю вас за старания, мистер Гудфеллоу.

– Мистер Бенджамин, если позволите, – в его акценте слышалось подражание оксфордскому выговору. – Такое имя мне дал преподобный.

Стоявшая рядом со мной мисс Давенпорт присела в реверансе:

– Я очарована, мистер Бенджамин.

Тот просиял от ее жеста, поэтому мне показалось уместным тоже сделать реверанс. Мисс Давенпорт одарила меня задумчивой улыбкой и подмигнула, хотя я не совсем понимала, что за этим крылось.

³ Фамилия персонажа (Goodfellow – славный малый) отсылает к древнегерманскому фольклору, который отчасти прижился в Англии, где существо, носящее это имя, из мрачного и пугающего стало веселым озорником. Так же его называют Паком. В «Сне в летнюю ночь» Шекспира Пак предстает слугой короля и королевы эльфов.

– Вам пора устраиваться, мисс Хелстон, – произнесла она, – или хотя бы осмотреть свою комнату. Я заплачу кучеру и позабочусь о багаже. Увидимся за ужином. Жду не дождусь, очень уж проголодалась.

Мистер Бенджамин, сунув под мышку мой саквояж, вел меня в башню, а по пути рассказывал свою историю. Как оказалось, он являлся гномом – что, как я знала из сочинений Парациельса, означало отношение к стихии земли, – причем первым и единственным, кого обратил в веру прежний миссионер, преподобный Джейкоб Рош.

– Преподобный всегда говорил, что мистер Бенджамин похож на самого младшего из библейских братьев ⁴, – сказал он. – Маленькое имя для маленького гнома.

– Вы имеете в виду Роша или моего брата? – спросила я.

– Первого, не последнего.

Кроме того, где-то в замке обитала эконожка, которую мистер Бенджамин называл Саламандрой.

Прогулка по цитадели казалась мне путешествием назад во времени. Сравнительно современное фойе переходило в коридор, оклеенный флокковыми обоями, которые были невероятно модными почти сто лет назад. Буйные цветочные узоры в темно-зеленых и золотых тонах уступали место гобеленам, висевшим на шероховатых стенах, а затем наконец появилась и винтовая лестница из потертого камня.

Крутые ступени вели к одинокой деревянной двери. Открыв ее, я, пригнувшись, вошла внутрь.

– Вот и комната, – радостно объявил мистер Бенджамин, – пользуйтесь водой, а потом выплескивайте ее в окно.

Гном поставил саквояж и, принимая мою благодарность, изящно поклонился, уперев в пол узловатую руку.

Уже повернувшись, чтобы уйти, он вдруг вздрогнул, словно вспомнив что-то важное, и самым торжественным тоном произнес:

– Чуть не забыл. Запомните: не ходите по серебряному коридору, когда там темно. Не заглядывайте за изумрудный занавес. Не смотрите портретам в глаза. Не ешьте без соли. И не доверяйте Саламандре.

А потом мистер Бенджамин ушел, и дверь захлопнулась, прежде чем я успела спросить о том, как узнаю Саламандру, с какой едой, по его мнению, столкнусь, или, что было куда более насущным вопросом, когда мне ждать ужина.

Комната оказалась круглой, и вся мебель – от гардероба до книжного шкафа и бюро – изгибалась вместе с ней. В толстой стене, сложенной из древних камней, было прорезано окно, но, увы, сквозь стекло и свинцовую решетку проникало очень мало света. Несколько подушек превращали нишу под окном в уютную банкетку. Тонкие лучи солнца, пробивающиеся сквозь узкие, точно лезвия, бойницы, разрезали тени.

Прямо передо мной оказалась небольшая дверца с огромным медным кольцом. Его держало во рту увитое металлической листвой лицо, неприветливо глядевшее на меня тремя парами глаз. Кольцо от времени сделалось зеленым, но там, где его касались руки, оставалось отполированным до блеска. Это напомнило мне хагодей ⁵ на дверях соборов, прикоснувшись к которым любой в прежние времена мог получить убежище.

Гадая, в какой части замка нахожусь и какой цели служит эта круглая комната, я отперла дверцу. Та бесшумно отворилась.

⁴ Речь о Вениамине, младшем сыне библейского патриарха Иакова и его любимой жены – Рахили. Иаков в своем предсмертном благословении характеризовал его как «хищного волка, который утром будет есть добычу, и вечером будет делить добычу».

⁵ Хагодей – дверной молоток или дверное кольцо, которое имеет форму свирепого животного.

Меня окутали потоки холодного воздуха. В сердце словно вцепились ледяные когти. По-прежнему держась за кольцо, я вскрикнула и метнулась обратно, радуясь тому, что не успела необдуманно шагнуть вперед.

Дверь вела в пустоту. Возможно, когда-то здесь был балкон или даже что-нибудь вроде мостика. Мистер Бенджамин, в череде прочих своих предостережений, даже не подумал предупредить меня об этой опасности.

Когда я дрожащими руками заперла дверцу, сердце у меня все еще бешено колотилось.

Прошло время, прежде чем мое дыхание успокоилось и я смогла подняться на ноги.

Налив едва теплой воды из кувшина, стоявшего на буфете, я умылась в тазике. Наконец-то можно было облизнуть губы и не почувствовать легкого привкуса моря.

Большая часть моих вещей по-прежнему оставалась внизу, но в саквояже лежал бювар, а еще смена одежды, которой я тут же воспользовалась. После семи недель, проведенных на «Безмолвном», платье нельзя было назвать совершенно свежим, но оно и моя последняя чистая сорочка стали желанным избавлением от шерстяного дорожного костюма.

Я подошла к гардеробу, запертому на задвижку в виде пары сцепленных рук, чтобы бросить внутрь свой саквояж, но вопреки ожиданиям шкаф оказался вовсе не пустым. Руки нащупали маслянистую мягкость шерсти, волны шелка и плотный и роскошный, словно мех горноста, бархат. Из глубин гардероба выпорхнула дюжина бледных мотыльков, пока я рассматривала тяжелые одежды.

Иные платья выглядели такими же древними, как и сам замок, они принадлежали миру gobеленов, паладинов и придворной романтики. Другим же было около шестидесяти лет – похожие творения из парчи я распарывала, когда ненадолго стала компаньонкой мисс Лусии Марч. Платья десятилетиями тлели на чердаке, но едва в моду снова вернулись плотные, богатые ткани, сменившие легкий муслин, на это великолепие прошлого совершился настоящий набег. В тех вещах было столько непрактичной красоты, что было грустно разрезать их на части даже ради того, чтобы перешить и вдохнуть в них новую жизнь.

Из всей одежды в гардеробе лишь одно платье – цвета слоновой кости – хотя бы отдаленно походило на современное. Широкий вырез и многослойные кружева напомнили мне гравюры со свадебным нарядом королевы и последующие попытки его копировать, которые не прекращались в течение семи лет, прошедших с венчания августейшей четы.

Открыв бювар, я отыскала письмо от Лондонского миссионерского общества, села на кровать и заново перечитала это послание, хотя уже успела выучить наизусть его содержание. Вступление в основном посвящалось уверениям в том, что при всех многочисленных успехах католиков триумф их строится на трухлявом фундаменте пышных обрядов, а раз так, то мы не должны им завидовать.

Едко упомянув труды миссионерского общества в Африке и на Востоке, преподобный Джозеф Хейл, точно эхо, повторял мои собственные опасения. После двух лет почти полного молчания Лаона я написала в общество, интересуясь судьбой брата. У преподобного нашлось для меня не так много ответов. Он ни разу прямо не сказал, что, по его мнению, могло произойти в Фейриленде, но то, как старательно преподобный обходил этот вопрос, извинялся за то, что недостаточно подготовил Лаона, и туманно намекал на гибель других миссионеров, выдавало его тревогу.

В письме, помимо прочего, содержалась просьба возвратить личные дневники и записи предыдущего миссионера, преподобного Джейкоба Роша.

В юности я разделяла беспокойный дух Лаона. Но если его амбиции университет лишь подпитывал и лелеял, то мои образование задушило. Меня учили укрощать необузданные порывы и желания, которые волновали меня до боли. Я загнала их в самые глубины души и

научилась довольствоваться тем, что имею. Глотать покой, точно яд. Каплю за каплей, изо дня в день. Пока он не сделается терпимым.

Лаон безмятежность презирал и, как бы я ни старалась, не смог научиться моему ледяному спокойствию. Мне только-только исполнилось девятнадцать, я не имела никакого положения в обществе и лишь наблюдала, как брату тесно в облачении священника. Прихожанам хотелось иметь кроткого пастора, а у Лаона была душа солдата, государственного мужа, оратора. Он тосковал по тому, что лежало за пределами мелких забот его прихода, становился все молчаливей и угрюмей, чаще и чаще замыкался в себе.

Зима в тот год казалась нескончаемой.

А весной во взгляде у Лаона вновь появился блеск – брат решил стать миссионером.

Я ненавидела это его прозрение. Совершенно эгоистично считала себя покинутой. Ни на миг не ощущала жалости к тем несчастным, лишенным слова Спасителя, что томились в зловещих империях. Я понимала лишь то, что Лаон оставляет позади края нашего детства и в поисках приключений отдаляется от меня. Терзаясь страхом и завистью, я нашла себе место компаньонки, а позже – гувернантки.

Лишь распечатав первое письмо от брата, пахнущее сахаром и серой, я узнала, что Лаона отправили в Аркадию. Послания приходили, мягко говоря, нечасто и мало сообщали о здешней его жизни. Полагаю, он думал, что подробности меня взбудоражат, пробудят давно похороненную тягу к путешествиям.

Но, похоже, в переписке с Лондонским миссионерским обществом мой брат был столь же пугающе немногословен. И едва мне стала очевидна глубина его умалчиваний, я принялась планировать собственную поездку. Шквалом писем мне каким-то образом удалось убедить миссионерское общество: хотя для незамужней женщины путешествие за границу – поступок неординарный, я тем не менее должна отправиться следом за братом. Никогда не считала себя особенно красноречивой, но, должно быть, сумела произвести на них впечатление, поскольку мне оплатили место на «Безмолвном».

И вот я здесь. Сжимаю в ладони забытый братом компас, а сердце мое затягивается тугим узлом под лучами маятникового солнца.

Глава 3. Солнце над горизонтом

*Не тронь питья, не тронь еды
В краю чудесных фейри,
Без соли не вкушай плоды
В краю чудесных фейри,
А то не отведешь беды
В краю чудесных фейри.*

*А коли хочешь мирно спать
В краю чудесных фейри,
А коли хочешь не рыдать
В краю чудесных фейри,
Ты соль скорей сгребь в щепоть
И над едой тряхни,
А следом повторяй: «Господь,
Мне душу сохрани».*

Стихи из сборника Дж. Ритсона⁶ «Народные сказки и песни», ныне переизданном с двумя диссертациями – о пигмеях и о фейри

*Всякое приношение твое хлебное соли солью и не оставляй жертвы
твоей без соли завета Бога твоего: при всяком приношении твоём приноси
соль.*

Левит 2:13

Когда я проснулась, за окном был мутное зарево, ознаменовавшее приход сумерек. У двери обнаружился уставленный едой поднос и записка, которая сообщала, что меня хотели позвать к ужину, но застали спящей. Буквы окрасили мне пальцы черным. Прищурившись, я разглядела, что слова не написаны, а выжжены на пергаменте.

Густой аромат тушеного с можжевельновыми ягодами зайца напомнил мне о том, как сильно я проголодалась. Над медным горшочком все еще поднимался пар, а сам он на ощупь был почти обжигающим. Кучку обжаренной спаржи окружали чуть подгоревшие грибы. В корзинке лежала половина хрустящей буханки. Я принялась к маленькому кувшинчику и поняла, что тот наполнен кровью. Вероятно, заячьей. Ею следовало полить тушеное мясо, хотя обычно ее добавляли до того, как подать блюда, а никак не после.

На подносе возвышалась солонка, но я отыскала на дне саквояжа собственную мельницу и намолотила соли на край тарелки. Бросив по щепотке на тушеное мясо, грибы, спаржу и, наконец, на хлеб, я сложила ладони и пробормотала: «Аминь».

Кто-то отмахнулся бы от этого, как от суеверия, но соль защищает людей от пищи Фейриленда. Поговаривали, что капитан Кук и его команда – первые британские исследователи, достигшие Аркадии, – погибли именно из-за своих ошибок с солью.

Я добавила в рагу кровь и принялась за еду. Соскучившись за недели, проведенные на «Безмолвном», по такой пище, я не сразу разглядела, что сердцевина грибов имеет странный пурпурный оттенок. И тогда же заметила, что дверца, которая вела в пустоту, отперта. Недовольная собой, я встала и накрепко ее заперла. Мне-то казалось, что я задвинула засов после того, как случайно распахнула эту дверцу.

⁶ Отсылка к Джозефу Ритсону (1752–1803) – английскому антиквару и собирателю народной поэзии.

Тихий стук возвестил о приходе мисс Давенпорт, которая объявила, что мы «просто обязаны» посмотреть с крыши на закат. Сияя озорной улыбкой, она торжествующе звякнула большой связкой ключей.

– О, ваш ужин, – произнесла она, замерев рядом с подносом, на котором высился котелок с недоеденным рагу. Зачарованная ароматом, мисс Давенпорт сделала глубокий вдох. – Вы ведь уже закончили?

Я кивнула.

– Знаю, что забегаю вперед, но позвольте мне?

– Если желаете, – нерешительно ответила я. – Я думала, мы торопимся...

– Вы ведь не забыли посолить, верно?

Я снова кивнула, а затем лишь наблюдала, как она проглатывает остатки моего ужина. Мисс Давенпорт едва ли не облизала тарелку, жадными глотками допила подливку и руками сгребла грибы. Остатки рагу собрала кусочком хлеба. А сунув в рот последнюю веточку спаржи, улыбнулась в ответ на испуг на моем лице и изящным жестом поднесла к губам платок.

– Прощу прощения за свои манеры.

– Все в порядке, – сказала я, рассеянно размышляя, не станет ли это самым большим оскорблением моему чувству приличий.

– А теперь закат, – просияла она. – Я поела быстро, поэтому мы не должны опоздать. В Аркадии закаты недолго длятся. В конце концов, горизонта ведь нет.

Накинув на себя шаль, я с готовностью последовала за ней.

Я полагала, что моя комната расположена выше всех прочих, но мы поднялись еще на один лестничный пролет и подняли люк, который вел на чердак. Под пыльными простынями покоились призрачные реликвии ушедших эпох. Рулоны ковров и гобеленов притулились рядом с большими дорожными сундуками. Пока Мисс Давенпорт воевала с замком, я держала фонарь.

– Когда вернется ваш брат, вы должны попросить у него разрешения посмотреть на закат с арки ворот, – сказала она. – Там совсем другой вид.

– Даже так? – удивилась я, пытаюсь развернуть фонарь так, чтобы мисс Давенпорт могла лучше разглядеть коллекцию ключей, которыми безуспешно царапала замок.

– Только он мог заставить Саламандру отдать эту связку... Ага! – воскликнула она, когда очередной ключ наконец повернулся.

Створка распахнулась. За ней оказался парпет северной, как назвала ее мисс Давенпорт, башни, которая прижималась к самой далекой от внешних стен замка куртине. В воздухе ощущался холод, и я плотнее закуталась в шаль.

Небо было затянуто серой дымкой, а ниже лежала окутанная туманами и тайнами Аркадия. Я могла вообразить себе поля и леса, но не считала их настоящими. Золотистый ореол окружал похожее на точку солнце и отбрасывал блики на обволакивавшие его облака. Сейчас оно оказалось заметно меньше, чем в полдень, и куда меньше нашего, мирского, солнца.

– Что же такое Аркадия? – пробормотала я едва слышно. – Как это место может существовать на самом деле?

Ответа не было. Мы следили за уходящим все дальше и дальше солнцем, но свет его не особенно менялся, поскольку светило не опускалось за линию горизонта и не погружалось в пучину моря. Напротив, оно оказалось гораздо выше, чем днем, когда сияло над самой головой.

– Я тоже спрашивала себя об этом, – произнесла мисс Давенпорт, – и вам ответ понравится не больше, чем мне.

– Что вы имеете в виду?..

– Ничего, – торопливо сказала она и отвела взгляд.

Я следила, как тускнеет этот странный, фальшивый свет и над землями сгущается тьма. А ведь были и такие, чья вера пошатнулась после открытия Аркадии, страны, которая почти не упоминается в Писании. Однако в Библии не нашлось места и для английских берегов. Для здешней тишины наши туманные холмы и зеленые горы не менее обманчивы, чем пейзаж, расстилающийся передо мной. Но как я могу ограничить бесконечного Бога словами, у которых есть свой предел?

– А вот и луна, – произнесла мисс Давенпорт.

Проследив за ее взглядом, я повернулась туда, где уже сгустилась тьма. Ландшафт казался темным и плотным, точно сделанным из угля, а облака были лишь смягченным отражением его суровых громад.

Сначала луна была всего лишь призраком, который светился сквозь туман. Мелькнув на миг, она снова исчезала за облаками цвета сгоревшей лепешки. И тут внезапно выплыла яркая серебристая фигура. Тучи льнули к изгибам ее сверкающих плавников, за которыми тянулись тонкие нити мнимого света.

Я ахнула от удивления и втайне упрекнула саму себя в детстве за скудное воображение. Зрелище куда сильнее, чем пребывание в родных пустошах, ожидание отплытия в доках Лондона или блуждание по Северному морю, напомнило, до чего же бедны прожитые мной двадцать пять лет. Пытливость ума, которую, казалось, я похоронила вместе с сестрой, вернулась с таким пылом, что у меня перехватило дыхание.

Луна оказалась рыбой.

Вернее, луна свисала с «удилища» огромной рыбы. И когда та подплыла ближе, я увидела свет, отражавшийся от длинных – очень длинных и кривых – зубов, которые торчали из ее пасти. Выпученные белесые глаза оставались неподвижны, а хвост хлестал из стороны в сторону и мерцал чешуей, переливавшейся в собственном свете.

Я бросила взгляд за пределы своих представлений о мире, и все сделалось размытым, отчего на глаза навернулись слезы. Но я жаждала узнать, что лежит там, за гранью. Один средневековый еретик когда-то написал о том, как он стоял на окружавших вселенную стенах и пускал вдаль стрелы. Разве стен и стрел не будет становиться только больше? Я никогда не смогу представить себе всех светил и всех миров. Мой разум не беспределен, в отличие от разума Бога. И все же мне хотелось заглянуть дальше, стать чем-то большим, чем-то, что едва ли выдержали бы мои хрупкие кости. С каждым вымученным вздохом казалось, что вот-вот разорвется бумажная кожа, которая удерживает пылающие угли моей души. Прежде они теплились, сокрытые среди пепла, а теперь эти чужие края раздували их и подпитывали новое пламя.

Тело рыбы скрылось из виду, уплыв за облако, и луна затуманилась. На мгновение она показалась мне совсем обычной, висящей в небе благодаря промыслу Божьему, а не морским чудовищем, обитающим вне пучины.

– Нам стоит вернуться.

Голос мисс Давенпорт прозвучал неожиданно. Я повернулась к ней, разжимая кулаки и морщась от той боли, с которой мои ногти впились в ладони. Я напоминала себе сжатую пружину, лишенную всякой мысли.

– Здесь очень быстро становится прохладно.

Я кивнула, и мисс Давенпорт повела меня обратно в замок. Бросив последний взгляд на луну, я подумала о Лаоне и страстях, которые стремился сжечь и похоронить мой брат. Интересно, что подумал он, когда впервые увидел луну Аркадии? Пробудила ли она в нем такое же беспокойство, и знал ли он, как его погасить?

Писали, что после наступления темноты всё в Аркадии – даже ваши собственные глаза – начинает лгать. Неудивительно, что я заблудилась, едва мисс Давенпорт меня оставила. Она

уверяла, что моя комната находится в конце коридора, но отчего-то на стенах вместо портретов оказалась побелка и выцветшие гобелены.

Я вернулась назад и не обнаружила ни лестницы, ведущей на чердак, ни портретов с пронзительными взглядами, ни коридора с голыми каменными стенами. Должно быть, не туда свернула, ведь коридоры не меняются беспричинно.

Ветерок из неплотно прикрытого окна ерошил мои волосы. Фонарь дернулся в руке, и его стеклянная дверца распахнулась. Пламя внутри замерцало. Внутри поднялась волна паники, и я на ощупь захлопнула дверцу.

Пальцы соскользнули.

Фонарь с грохотом упал на пол и ударился о каменные плиты, брызнули воск и стекла. Мягкое свечение оплившей свечи угасло. Я погрузилась во тьму.

Во мраке холод ощущался острее, и я слышала ровное, но неистовое биение своего сердца. И вглядывалась в чернильную темноту коридора, надеясь увидеть проблеск света, который бы меня направил. Почти ничего вокруг не различая, я зажмурилась. Нужно было привыкнуть к темноте. От еще одного шумного порыва ледяного ветра по спине побежали мурашки. Во мне вспыхнул страх. Я сделала глубокий вдох и напредила себе, что ночь не продлится вечно.

Когда я снова открыла глаза, все по-прежнему было погружено во мрак. Решив просто брести, пока не найду какое-нибудь освещенное и узнаваемое место, я двинулась вперед, ведя рукой по стене. За одним из гобеленов показалась приоткрытая дверь, и, вообразив, что вижу за ней слабое мерцание, я отважилась переступить порог.

Это оказался какой-то кабинет с бюро и книжным шкафом. Большую часть мебели скрывали белые простыни, отчего казалось, что вокруг меня призраки из наших детских забав.

Мы с Лаоном часто играли в подобные игры, пугая друг друга из-под простыней. Нам тогда не хватало слов, чтобы выразить чувства, но сама мысль о привидениях одновременно и очаровывала, и вызывала отвращение. В юности мы столь многих похоронили. Я все еще помню, как прижималась к брату, и мы, сцепив пальцы, клялись под каждой меткой, которую считали священной: если один из нас умрет, то он вернется и станет преследовать другого.

Сияние рассыпалось на тускло мерцающие красные точки. Прищурившись, я почти сумела различить вокруг каждого огонька трепетание крылышек насекомых, которые вновь рассаживались в дальнем конце кабинета. Светлячки.

Луна выплыла из-за облака, и окна заблестели серебром. Витражи придавали свету мерцающий, подводный оттенок. Благодаря этому свету я обратила внимание на бюро.

Хотя его крышка была наполовину закрыта, все предметы внутри покрывала похожая на изморозь пыль. Сосульки паутины свисали с кончика похожего на птичий коготь ножа для писем, с краев чуть выдвинутых ящичков, с горлышка высохшей чернильницы, со склоненных перьев.

Краем глаза я мельком заметила тонкие, длинноногие тени. Вздвогнув, я обернулась и снова вспугнула алых светлячков, но ничего не увидела.

Мой взгляд пробежал по разбросанным бумагам, которые были заполнены какими-то каракулями. Я смахнула кружево пыли и прищурилась, стараясь разобрать выцветшие слова. Затем опустилаcя в скрипучее кресло и пролисткала разложенные на столе документы.

По спине пробежала дрожь.

В языке, которым были исписаны бумаги, я не узнавала ни один из земных. Шрифт был угловатым, полным квадратов и точек. Многие символы оказались вычеркнуты. Другие объединены в списки. А иные обвивались вокруг странных спиралей, широко распахнутых глаз, извивающихся созданий и грубых угольных набросков мотыльков.

Ниже шла строчка на латыни: «In principio erat Verbum et Verbum erat apud Deum et Deus erat Verbum».

После незнакомых символов мне потребовалось целое мгновение, чтобы узнать эти слова. Я повторила их про себя: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Не столько перевод, сколько воспоминание о фразе из собственной Библии.

Я мимолетно подумала, что передо мной могут быть пропавшие дневники преподобного Джейкоба Роша. Но зачем тому было записывать эти странные символы? Преподобный Хейл предупреждал, что мне нельзя читать записей прежнего миссионера, но столь старые документы безо всякого сомнения были чем-то иным. На долгую историю замка намекал каждый его камень, так почему бы этим записям не принадлежать кому-то из прежних обитателей?

Однако такие предположения не давали мне ни единого ответа.

Я разгладила смятые, усеянные отверстиями листы. Взгляд пробежал по точкам и завиткам непонятных слов. Я перебирала таинственную бессмыслицу страница за страницей и находила все больше и больше изъеденных. Некоторые сделались настолько хрупкими, что рассыпались от прикосновения черным снегом.

Руки задрожали, я старалась действовать осторожнее. Сглотнула. Узнаваемые английские слова бродили по краям истрепанных страниц, но прока от них было немного.

Мое дыхание сделалось тяжелым, но я и сама не знала, от волнения это или от пыли. В самом нижнем слое моих раскопок обнаружился блокнот в кожаном переплете. Позолоченный корешок был холодным на ощупь. Кашляя от поднявшейся пыли, я перевернула страницу и прочла: «Перевод Библии на енохианский язык» ⁷.

Я нахмурилась. Енохианский. Я уже слышала это слово, но не могла вспомнить где. Оно словно дрожало где-то на самом краю памяти.

Голос, нестройно напевавший какой-то мотив, отвлек меня от исследований. Придя к выводу, что его обладатель может меня выручить, я крикнула:

– Эй! Помогите, пожалуйста, у меня фонарь разбился... – Я сложила разбросанные страницы и убрала их в бювар, стоявший рядом с бюро. Хотелось потом продолжить изучение записей.

Пение, казалось, становилось все тише. Я захлопнула бювар, подобрала юбки и, спотыкаясь, двинулась на звук.

– Эй? Там кто-то есть?

В ответ раздался слабый переливчатый звук, что-то среднее между звоном и смехом. Я почувствовала у своей шеи теплое дуновение, словно от погасшей свечи.

За пределами кабинета все превратилось в сплошные сумрачные тени. Полуослепшая, я вытянула руку и пошла вперед. Различив край стены и слабые очертания серебряного зеркала на ней, ощупью повернула за угол.

У меня защипало в глазах.

Старательно проморгавшись, я разглядела зажженный фонарь, который одиноко стоял посреди комнаты. До боли яркий свет принес с собой облегчение. Рядом оказалась арка, за которой виднелась истертая каменная лестница, которая вела к моей комнате.

Я обернулась, пытаясь хоть мельком увидеть того, кто оставил здесь фонарь, но даже не услышала звука шагов.

Уже в комнате, поставив фонарь, я заметила на пальцах угольное пятнышко и принялась гадать, кто же мне помог.

⁷ Енохианский язык – язык, созданный оккультистом Джоном Ди для магических целей в ходе спиритических сеансов в конце XVI века в Англии.

Глава 4. Птица в клетке

Дискуссии в Королевском обществе в 1767-м и начале 1768 года, поддержанные либерально настроенным правительством, дали весьма интересный для нашего мореплавателя результат, открыв его гению новые и обширные сферы, где ему предначертано было блистать. В тот период, а также за несколько лет до этих событий британское правительство имело честь организовать исследовательские экспедиции, которые очень отличались от тех, что совершали мореплаватели в более ранние эпохи. Тогда экспедиции формально снаряжали ради завоевания, приобретения земель и богатств. Но теперь в анналах мореплавания наступила новая эра – первооткрыватели отправлялись в экспедиции в интересах науки, ради приобретения знаний о морях, континентах и островах нашего земного шара и ради улучшения положения диких племен, которые могли быть обнаружены.

С момента триумфального наблюдения за прохождением Венеры над солнечным диском в июне 1769 года и до составления подробных карт Южного моря, пересечения Южного полярного круга и дальнейшего описания Северо-Западного прохода Кук показал себя непревзойденным мореплавателем и прославился по всей империи.

Но все же четвертое и самое фантастическое путешествие нашего капитана оказалось вне расчетов и прогнозов любой из заинтересованных сторон. Величайший из умов, когда-либо бороздивших моря, невероятным образом заблудился и невероятным же образом открыл совершенно иной мир. Без сомнения, многие терялись в открытом море и приводили свои корабли к побережью Аркадии, но только Кук смог понять, что сбиться с пути – это неотъемлемая часть такого путешествия.

Преподобный Джордж Янг⁸. «Жизнь и путешествия капитана Джеймса Кука, почерпнутые из его дневников и других подлинных документов и содержащие много исходных данных»

После первой ночи в Гефсимании я больше не терялась. Жизнь в замке моего брата – как ни странно было думать так об этом месте – худо-бедно вошла в ритм. Лаон по-прежнему не возвращался из своего таинственного путешествия, а мистер Бенджамин и мисс Давенпорт не слишком помогали разобраться в том, куда же он отправился.

– Вернется, когда вернется, – прервав на миг вязание, произнесла мисс Давенпорт и чуть пожала плечами.

– Разве ему не нужно находиться здесь? – спросила я.

– Думаю, в конце концов у него закончится соль, – задумчиво сказала она.

Я подавила волнение, охватившее меня при мысли об этом. Поверья предупреждали, что Аркадия заявляет права на любого, кто попробует ее пищи. Такой человек окажется навеки заперт под странным солнцем. Я не отступала:

– Я имела в виду миссию. Разве у него нет прихода?

Она рассмеялась. Ее беззаботный смех звучал чуть более хриплым и высоким, чем голос во время беседы.

⁸ Преподобный Джордж Янг (1777–1848) был шотландским богословом, ученым и приверженцем диллювиальной геологии, которая являлась попыткой интерпретировать геологические особенности Земли в соответствии с буквальной верой во Всемирный потоп. Написал двадцать две книги по многим темам, в том числе о великом солнечном затмении 1836 года и биографию капитана Джеймса Кука.

– Святые небеса, мисс Хелстон. Нет здесь никакого прихода.

– Я думала...

– В настоящее время миссия в Аркадию успехом не увенчалась. «Мы призываем вас, дорогой читатель, раскрыть кошелек и молиться усерднее, дабы побудить лишенных души обратить свои безбожные умы к небесам», – процитировала она в гротескно-насмешливой манере.

– Мисс Давенпорт! – совершенно потрясенная, воскликнула я.

Недели, проведенные на «Безмолвном», приучили меня держать язык за зубами, услышав проявления некоторого богохульства, но подтрунивания мисс Давенпорт задевали за живое.

– Не считая мистера Бенджамина, разумеется, – добавила она. Широкая безмятежная усмешка на ее лице ясно давала понять, что мисс Давенпорт самым очевидным образом получает неуместное удовольствие от моего страдания. – Единственный оглушительный успех. Пусть и не принадлежащий вашему брату.

Тут она и на самом деле была права. Хотя гном казался странным персонажем, с его страстной верой могли соперничать лишь древние старики, корпевшие над своими Библиями и ничего так не любившие, как ворчливо забрасывать цитатами пастыря, когда тот находил нужным перефразировать Священное Писание.

Чем лучше я узнавала мистера Бенджамина, тем меньше он меня обескураживал. От этого гнома исходило ощущение грубоватой фамильярности, которое не позволяло смотреть на него слишком долго, но его сердечность была самой искренней. Он даже слегка приоткрыл свое прошлое, рассказав о временах, когда был рудокопом в азотных шахтах на окраинах Аркадии.

– Там очень, очень холодно. Солнце слишком далеко, чтобы давать тепло, поэтому из азота и обычного воздуха, что для дыхания, получаются моря и горы. Мы добываем его и везем обратно в Пивот.

– *Азот* везете?

– Воздух, – ответил он, не обращая внимания на мое недоверие. – Ветра летят за пределы, понимаете? Вот и замерзают по краям. Твердый ветер и твердый воздух. А мы его взрываем и везем назад. Но Железная леди закрыла шахты, – лицо гнома поникло, но вновь прояснилось, когда он сказал: – А потом я пришел сюда.

Он не вдавался в подробности своего обращения в христианство, но порой упоминал товарищей по шахтерским временам. Выглядело так, будто они все вместе пришли поговорить с прежним преподобным, но остался лишь мистер Бенджамин. Он гордился тем, что был единственным новообращенным в миссии, и часто приходил ко мне с довольно странными вопросами.

– Я тут думал, мисс Хелстон, – начал мистер Бенджамин, – можно мне задать вопрос?

– Слушаю вас.

– Итак, Иисус Христос, помазанный Сын Божий, да святится имя Его... – голос его затих, гном снял очки и взволнованно их протер. – Я хочу спросить, мисс Хелстон, почему важно происхождение Святого Рогоносца, если он – Святой Рогоносец?

– Простите?

Я не сразу поняла, что он имеет в виду Иосифа, но прежде чем успела поправить, мистер Бенджамин заговорил снова:

– Родословная Иисуса дважды повторяется в книге, которую преподобный дал мистеру Бенджамину. Два автора... их имена... – Он замолчал, прищелкнул языком и задумался, почесывая выступающий подбородок. – Лука и Матфей, да, да. Так и есть. Два автора говорят, что Иисус принадлежал к роду Давида через Иосифа, то есть Святого Рогоносца. Я это помню. Лука писал: «Иисусу было около тридцати лет, когда Он начал Свое служение. Он был, как все

думали, сыном Иосифа, предками которого были Илия»⁹, а у Матфея: «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос»¹⁰, – от такого шквала слов Мистер Бенджамин задыхался. – Понимаете, о чем я?

– Понимаю.

Я и сама задавала похожий вопрос в школе для дочерей священников. После чего мои отхлестанные за дерзость ладони ныли несколько дней. Когда я, стискивая зубы от боли, писала о произошедшем Лаону, завитки букв выходили совсем кривыми. Оглядываясь назад, можно сказать, что боль и раненое чувство справедливости отвлекли меня от этого вопроса. Ответ на него я так и не нашла.

– Так... так почему же настолько важно происхождение Иосифа?

– Что ж, – я сглотнула, смущенная внезапностью темы, – вопрос очень интересный.

Ответы, которыми я забавлялась в детстве, принялись шуметь и ссориться у меня в голове, точно стадо гусей. Быть может, Матфей и Лука ошибались, и именно Мария была в родстве с Давидом (но если они ошибались в этой детали, то в чем еще могли оказаться неправы?). Быть может, усыновив, так сказать, Иисуса, Иосиф присоединил Его к своему роду (но даже тогда две родословные значительно расходились, а это подразумевало, что один из авторов все-таки заблуждался). Быть может, Матфей и Лука старались в интересах тех, кто считал, что Мессия должен происходить из дома Давида (и если так, то насколько дурна ложь, сказанная ради поддержки чего-то истинного?).

Я вспомнила ответное письмо Лаона, полное сочувствия и ободрения. Его рука тоже дрожала, однако я понимала, что это от гнева, а не от боли.

Мои мысли вернулись к оконной розе в обшитой деревянными панелями и напиманавшей изогнутый трюм корабля часовне Уайтхеда. Она была построена в честь миссионеров-мучеников. Я всегда считала, что именно там у Лаона случилось озарение, хотя он никогда об этом не рассказывал. Однако витраж над дверями не имел отношения к миссионерам. На нем была изображена родословная Иисуса – в центре Давид, а в лепестках каждый из предков. Их имена были выписаны черным – и едва читаемым – готическим шрифтом. Но все это яркое великолепие тоже не давало ответов.

– Мисс Хелстон?

Мистер Бенджамин смотрел на меня своими большими карими глазами. Взгляд его наполнился тем доверием и надеждой, которые присущи собакам.

Склонив голову набок, он ждал моих слов.

– Я... я думаю, вы должны спросить Лаона, когда он вернется.

– Весьма мудро. Я спрошу преподобного! – Гном кивнул и побрел прочь, словно ответ его устроил.

Но сама я была недовольна. Вопрос продолжал меня преследовать. Я задумалась о том, где могли бы храниться книги моего брата. У него был свой экземпляр «Симфонии» Крудена¹¹. Но мне не удалось найти не только кабинет брата или какую-нибудь домашнюю библиотеку, но даже ту комнату, в которой я обнаружила покрытые пылью бумаги.

Оставалось лишь штудировать собственную Библию, погружаясь в главы Заветов. Но прежде чем у меня появилось достаточно времени, чтобы разобраться во всех хитросплетениях двух родов Иосифа, мистер Бенджамин приковывал с очередной богословской проблемой.

– Мисс Хелстон, можно ли искупить грехи, в которых не раскаиваешься?

⁹ Лук. 3:23.

¹⁰ Матф. 1:16.

¹¹ *Симфония*, или *конкорданс*, *конкорданция* (от лат. concordia «согласие»), – книга, в которой собраны из одного или нескольких сочинений места, состоящие из одних и тех же слов. *Александр Круден* (1699–1770) в одиночку создал «Полную симфонию Священных Писаний Ветхого и Нового Заветов», первый полный труд подобного рода, который называли просто – «Симфония» Крудена.

– А разве смоковница была прощена Иисусом? Должны ли мы вовсе перестать есть инжир, или проклято было лишь одно дерево?

– Если Иисус, Господь наш, был рожден человеком, чтобы взять на себя грехи людей, то должен ли был Он родиться фейри, чтобы взять на себя наши грехи? Или Божественный Завет простирается и на людей, и на фейри, раз он охватывает не только потомков Авра-ама?

Дом брата стал для меня местом с вопросами без ответов. Со временем родословная Исккупителя превратилась просто в одну из множества загадок, которые преследовали меня во снах.

Мисс Давенпорт появлялась ежедневно и составляла мне компанию. Первые несколько дней я вежливо потакала ее желанию сидеть в верхней комнате со спицами, беседуя об особенностях петель и обучая ее вывязывать пятку на носке.

– Так славно делать иногда все своими руками, – произносила она, – другие способы просто не могут доставлять столь чувственное удовольствие.

Пряжа, которую она приносила, была невесомой и под шелканье спиц превращалась в легкую пену рядов. Каждый стежок был для меня шагом назад – к Йоркширу и моему прежнему бесправному заточению. Я вспоминала, как, будучи компаньонкой, так же сживала с мисс Лусией Марч, а позже, несмотря на звание гувернантки, проводила столько же времени за штопкой носков, сколько за воспитанием юных умов.

Верхняя комната была светлой. Если бы замок находился в мире смертных, я предположила бы, что изогнутые стены служат доказательством того, что раньше тут располагалась часовня, но это было совсем не так. Прерывавшие монотонность камня витражи были явно более поздним добавлением. На одном из них мрачные средневековые краски закручивались в спирали, из-за чего полный танцующих пылинок свет разбивался на темно-красные пятна. На другом был изображен рыцарь, сражающийся с клубком змей. Учитывая разнообразие стилей и форм, витражи были, вероятно, взяты из какого-то иного места и установлены здесь одним из предыдущих хозяев замка. Интересно, кто жил здесь до Лаона и преподобного Роша? И как тогда называлось это место?

– Эти окна немного напоминают мне дом Ариэль Давенпорт в Спиталфилдсе, – сказала мисс Давенпорт. – У нас там были, конечно, не витражи, но по всему фасаду шли окна со свинцовыми переплетами. Поэтому хватало света, чтобы ткать. У нас было три станка, и наши руки никогда не знали праздности.

Быть может, из простого желания избегать других тем, но она частенько рассказывала о своем прошлом в мире смертных. Иногда я думала, что это всего лишь способ отвлечься, но порой мне действительно казалось, что ей хочется большего.

– Что же вы ткали? – спросила я, чувствуя себя провинциалкой. Мне, выросшей в далеком от всего мира крошечном Бердфорте, и Спиталфилдс, и сам Лондон казались невообразимыми.

– Шелк. В тех краях все занимались торговлей шелком. Малыши его сматывали и собирали. А мне так хотелось быть полезной. Я просила и умоляла научить меня ткать пораньше. Помню, что приступила к обучению, едва руки начали дотягиваться до края станка.

– Должно быть, они гордились вами.

Мисс Давенпорт коротко рассмеялась:

– Мне доставались одни тумачи. Мастерница я никудышная. Столько хорошего шелка было потрачено впустую.

Я улыбнулась ее шутке, но мягко добавила:

– Я тоже училась не слишком быстро.

– Отец Ариэль Давенпорт постоянно рассуждал о четвертом станке, но я так и не прино-
ровилась к работе. Со всеми этими окнами в комнатах было холодно, зато всегда светло. – Ее

глаза смотрели уже не на меня, а на стаю темных пичуг на витраже. – Мы работали под пение птиц. Видите ли, у нас на крыше расставлялись силки.

– Силки? – Ее слова сбили меня с толку.

– Думаю, у ткачей хорошо получается мастерить силки. Проворные пальцы и все прочее. Отец Ариэль Давенпорт любил слушать пение птиц, пока мы работали.

– И что же вы делали со всеми этими птицами? – Я перевернула вязанье и, взглянув на законченную строчку, пересчитала просвечивавшие ряды.

– Продавали. Певчие птицы стоят немалых денег, особенно если хорошенькие. Хотя я больше дорожила теми, у кого были красивые голоса. Думаю, лондонская знать любит держать у себя таких. Мы так же поступали, и дом наш наполняло пение. Все ссоры забывались, едва начинала петь подходящая птица.

– Звучит прекрасно.

– Я не очень хорошо умела плести силки, но могла обучать птиц. И тогда одна из наших принималась приманивать других. А мне казалось, что эта-то песня и есть самая красивая. Когда птица обманывает своих родичей.

– Вы... вы, должно быть, поймали много птиц, – запинаясь, произнесла я. Не будучи наивной по части ловушек (в конце концов, кроты – это вечная напасть), я тем не менее не могла не вспомнить предостережение из мемуаров капитана Кука о том, что фейри двуличны по своей природе.

– Мне это не очень нравилось, но с красотой не поспоришь. А они пели прекраснее всех. – Ариэль погрузилась в воспоминания, тяжело вздохнула и провела рукой по вязанью. Пальцы с нежностью поглаживали каждый стежок. – Матери Ариэль Давенпорт всегда хотелось, чтобы я научилась плести кружева на коклюшках. Она лгала мне, что это проще, чем ткать. И постоянно повторяла, что за кружева получше платят. «Никогда не будешь голодать, если владеешь нужным ремеслом».

– Мне знакомо это чувство, – пробормотала я и горько усмехнулась, глядя на свои собственные руки.

Дочери священника достает благородства, чтобы быть воспитанной и образованной, но ей никогда не стать полезной. Застрав между миром труда и миром книг, я в комнате у брата сетовала на отсутствие работы. Это были долгие месяцы угнетающей праздности.

– Я бы ответила, что вы тоже можете плести кружево, но боюсь получить за это оплеуху. Вы ведь не умеете плести шелк. – Мисс Давенпорт поднесла вязанье к свету и прищурилась от солнечных лучей, которые пробивались сквозь замысловатый узор. – А у меня просто руки неподходящие. Слишком уж много там коклюшек.

– Меня никогда не учили плести кружево.

– Там целая сотня коклюшек. А еще валик. Потому-то и нет ничего более ценного, чем наполовину сделанные кружева, ведь для каждого кусочка нужен собственный валик, – она фыркнула. – Ужасное искусство.

– Вы, должно быть, страшно по ним скучаете.

– Что, простите? – растерянно и удивленно переспросила она, выбираясь из своих воспоминаний.

– По вашей... то есть по семье Ариэль Давенпорт. Вы, должно быть, по ним скучаете.

– Вовсе нет, – покачала головой она, – вовсе не скучаю.

– Но вы так часто о них говорите.

– Славно, что вы подумали, будто я могу по ним скучать. Мне это нравится, – мисс Давенпорт слабо улыбнулась. – Немногие здесь понимают, отчего бы мне по ним скучать. Как я вообще могу скучать? Другие – они просто созданы такими. Как и мои руки. Я бы могла попытаться притвориться, пропускать нити друг над другом, и иногда даже получалось бы что-нибудь похожее на кружево. Но это не совсем одно и то же. Само собой не выйдет.

Несмотря на все мои тревоги, покинуть замок я не могла и уже начинала жалеть, что не осмотрела порт в первый же день. Хотя странные картины, которые я тогда увидела, и подпитывали мои грезы, те быстро превращались в выдумки.

В качестве некоторого утешения мисс Давенпорт повела меня прогуляться по внутреннему двору замка. Сады ей, похоже, были не по нраву. Мисс Давенпорт объяснила, что до возвращения Лаона покровительство, которое не позволяло жителям Фейриленда причинить ему вред, на меня не распространяется.

– Кровь связывается кровью, – несколько чопорно произнесла она, – и кровь узнает кровь. Не стоит ждать, что всю работу сделает соль из мира смертных. Вы и сами должны держаться подальше от опасности.

Я поморщилась. У мисс Давенпорт появилась привычка отчитывать меня за беспечное отношение ко всем этим мрачным предупреждениям и странным табу.

– Есть гейс, которому о вас известно.

*Гейс*¹²?

– Запрет, хотя некоторые называют его участью. Он оберегает вашего брата и тех, кто одной с ним крови. Бледная королева обещала, что ни преподобный, ни его родичи не умрут в этих стенах, и пока вы остаетесь здесь, вас защищает ее слово. Тут вас и тронуть не посмеют, как бы им этого ни хотелось. Так что в самом деле не стоит вам бродить снаружи в одиночестве, мисс Хелстон.

– Кого вы имеете в виду? Кто не посмеет меня тронуть? – Я остановилась и, обернувшись, посмотрела на нее в упор, надеясь что-нибудь прочесть в до крайности человеческих глазах мисс Давенпорт.

Избегая моего взгляда, она лишь слегка пожала плечами:

– То, что находится за пределами замка.

– И что же там находится? – от досады мой голос сделался громче. – Чего мне бояться?

– Не уверена, что могу, то есть должна...

– Я видела лица, – призналась я, а когда ее брови нахмурились, торопливо добавила – В тумане. В день своего приезда. В тумане виднелись какие-то лица, фигуры.

– Возможно, у вас просто воображение разыгралось. Вам... вам не стоит быть такой любопытной, – ответила она. – Вспомните, что произошло с первым миссионером.

– Мне никто не рассказывал, что случилось с Ро-шем.

Она остановилась, покатала невысказанные слова на языке, точно леденец, и проглотила. Затем откашлялась и без тени смущения произнесла:

– Лучше вам и не знать.

– А я бы предпочла узнать, мисс Давенпорт, – упрямо выпятила подбородок я.

– Может и так, мисс Хелстон. И я предпочла бы рассказать вам, но, боюсь, не смогу.

– Вы даже не говорите, кому Лаон подал прошение или чего хотите добиться вы, удерживая меня здесь.

– Тайны вас защищают.

Мне хотелось начать с ней спор и вынудить сказать правду, но учитывая, что у меня было лишь двое знакомых в Аркадии, перечить одному из них казалось поступком недалевидным.

Некоторое время мы шли в молчании. Между нами веяло холодом, хотя маятниковое солнце висело довольно низко.

¹² *Гейс* – распространенная в древности разновидность запрета-табу в Ирландии. Гейсы назначались для того, чтобы уравновесить какой-либо дар и не вызывать гнева высших сил.

Первой заговорила мисс Давенпорт. Я посмотрела на нее и заметила смущающую, обманчивую человечность в ее глазах. На губах моей спутницы мелькнула улыбка, и голос прозвучал довольно мягко, словно в словах ее и на самом деле заключалось примирение:

– Не всякое знание приносит радость.

Мисс Давенпорт ободряюще протянула мне руку. Я пожала ее, кивнула и улыбнулась, стараясь скрыть досаду.

Внезапно ее взгляд сделался рассеянным, и она добавила:

– Есть вещи, которых мне хотелось бы не знать.

Поскольку мир между нами только-только восстановился, я простила ей столь загадочное замечание, хотя и пообещала себе, что однажды получу все ответы.

– Вы очень похожи на своего брата, – произнесла мисс Давенпорт, – его тоже переполняли вопросы. Он не мог просто принять здешний порядок вещей.

В первые дни своего пребывания за границей Лаон особенно отдалился.

– Кажется, что вы с ним очень хорошо знакомы, – сказала я и поинтересовалась, не была ли она и для него гидом и компаньонкой.

– С вашим братом все было иначе, – раздалось в ответ. Она никогда не называла Лаона по имени или по сану, а говорила исключительно «ваш брат». – Быть компаньонкой для мужчины – не то же самое, что быть компаньонкой для женщины.

У меня хватило скромности покраснеть, но, при всей спутанности моих переживаний, лишь позже я поняла, насколько туманно прозвучали ее слова. На вопрос она на самом деле так и не ответила. Разумеется, любое умалчивание было сродни опровержению.

Когда я вновь задумалась над дерзостью своего вопроса, то осознала удивительную вещь. Несмотря на все проявления человеческой сущности мисс Давенпорт – та даже солила еду и питье, – я ни на миг не забывала, что она – феяри. А поэтому и женщиной ее вовсе не считала.

Однако воображение вероломно, и после нашего разговора потребовалось прилагать усилия, чтобы не представлять ее с братом. Возможно, чтобы подразнить меня, мисс Давенпорт заговаривала о нем все чаще. И всегда-всегда использовала выражение «ваш брат». Но все же эти крохи, эти намеки на Лаона неспособны были удовлетворить мое любопытство.

Всякий раз, когда мы сидели вместе, она упоминала Лаона и при этом держала свое вязанье между нами, точно вуаль. Мисс Давенпорт в совершенстве овладела искусством сыпать словами, лишенными всякого смысла. Мимоходом она рассказывала, как мой брат в свой первый день проявил неосторожность или как он заблудился в синем крыле, но такие подробности не позволяли мне ощутить Лаона целиком. Я продолжала тревожиться о нем и его кратких письмах, и во мне эхом отзывались собственные резкие слова по поводу его решения стать миссионером.

Теперь я не смогла бы объяснить, какие надежды питала, поднимаясь на борт «Безмолвного» в Дувре. Но тогда я и не думала, что буду просто сидеть и ждать за рукодельем и пустыми разговорами в залитой солнцем комнате.

Глава 5. Подменыш в часовне

Гимн 47. Тируччираппалли¹³ (7-я и 6-я строки повторяются)

*От снежных гор Гренландии
До Индии берегов,
От диких чащ туманных
До золотых песков
К нам голоса доносит
Со всех концов земли,
И голоса те просят
Избавить их от тьмы.*

*В загадочном Эльфанде¹⁴,
От взоров, что укрыт
Народ чудной и странный,
Им Божий свет забыт.
О слава! О спасенье!
Весть голоса несут,
Что и в заблудших землях
Известен стал Иисус.*

*Увы, хоть свежи ветры,
Лист зелен, чуден берег
И все прекрасны земли,
Но мерзок человек.
Напрасно расточает
Господь свои дары,
Язычников прельщают
Кумиры из коры.*

*Несите ж, ветры, Слово,
Пой песнь Ему, волна,
Быть повсеместной слава
Спасителя должна —
Ведь Тот, кто всех дорожке,
За нас на смерть пошел.
Вещайте, и Сын Божий
Вернется на престол».*

Из сборника преподобного Джона Сэнфорда «Псалмы, парафразы и гимны, адаптированные для Англиканской церкви»

Было воскресенье, и после недель невнятных богослужений капитана «Безмолвного» я страстно желала вновь услышать проповедь брата. Под размеренностью его голоса всегда пряталась бурная страсть. И хуже того, я уже начала скучать по его немелодичному пению.

¹³ Чуть измененный подлинный гимн Реджинальда Хибера (1783–1826) – английского епископа, писателя и автора гимнов, который в том числе служил епископом Калькутты.

¹⁴ Еще одно название страны фейри.

Зайдя в обеденный зал, я застала там мистера Бенджамина в воскресном костюме, который отличался от повседневного большой соломенной шляпой, грязным носовым платком в нагрудном кармане и ярким лиловым папоротником на лацкане.

– Доброе утро, мисс Хелстон, – поклонился он, снимая шляпу, – с нетерпением жду вашей сегодняшней проповеди. Мы сегодня пропоем «Иерусалим»? Мне очень нравится этот гимн.

– Прошу прощения?

– Вы ведь выступите с речью? – Его глаза, казалось, стали больше и смотрели на меня с надеждой. – Да?

Я покачала головой, ошеломленная таким предположением.

– Но сестра за брата – это честная сделка, – произнес гном. – А брат так долго отсутствует. Часовня пустует и...

– Как же долго Лаон в отъезде? – Меня охватило беспокойство. – Вы сказали, что он вернется...

– Долго! Целую вечность и один день!

– Что...

– Он скоро вернется. У вас есть вера. Мы все верим, что он вернется, – он глубоко вздохнул. – Всех прихожан так взволновало то, что появились вы. Они решили, что у нас есть Хелстон про запас.

– *Всех прихожан?* Я полагала, вы – единственный новообращенный.

– Я и есть все. Все значит мы. Мы значит я, – гном принялся жонглировать словами, и его голос угас до едва различимого бормотания. Каламбуры с легкостью приводили мистера Бенджамина в восторг.

– Но я не могу ни проповедовать, ни совершать таинства. Увы, я служу вере не так, как мой брат. Я не священник, – меня тронула очевидная нужда гнома. Я всегда была робким существом, и даже в детстве доверяла Лаону говорить вместо меня, поэтому едва поверила ушам, когда мой собственный голос добавил: – Но я могу помолиться с вами.

Несмотря на мысли о приключениях, я не забыла миссионерской цели брата. Он – вернее, мы – здесь ради того, чтобы обратить даже подобие души, которое есть у фейри, к служению Господу.

Великий труд, хотя я и не мыслила себя его частью.

Но вот я в Аркадии, и гном ведет меня в часовню.

– Часовня в саду, – произнес он, оглядываясь. – Так пожелал преподобный Рош.

Следуя за мистером Бенджамином, я могла думать лишь о том, что он еще ниже ростом, чем казалось поначалу. И что подошвы его босых ног невероятно грязные.

Гном провел меня через полдюжины коридоров, от которых уже начинала кружиться голова. Они словно закручивались в спираль. Наконец мы достигли просторного внутреннего двора.

Подняв взгляд, я увидела голубое небо, окруженное высокими каменными стенами. На меня взирала вся история оконного мастерства – от крошечных витражей до искусно выкованных решеток.

К дальней стене была пристроена небольшая кирпичная часовня. Приземистая и совсем неэлегантная, она чем-то напоминала церковь моего отца в Бердфорте. В углу двора притулилась колокольня, которая казалась совсем маленькой по сравнению с окружавшими ее стенами.

– Мисс Давенпорт присоединится к нам? – После рассказов той о проведенном в Лондоне детстве я считала, что она, по крайней мере, отчасти набожна. Но сейчас не сумела припомнить, чтобы она хоть раз упомянула церковь.

Мистер Бенджамин энергично поскреб голову:

– Думаю, нет, хотя ваш брат всегда ждал.

– Тогда и мы должны поступить так же.

Гном пожал плечами:

– Подменыши. Их пальцы сгибаются наружу, а не вовнутрь.

– Не могли бы вы объяснить?

– Подменяшам жуть как необходимо быть не такими, как люди. Немного странными, чуток не на своем месте. Просто у них такой способ существования – быть неправильными. Натура такая.

– Это... – я сглотнула, – это кажется довольно печальным.

– Нет-нет. Вот такое как раз не в их натуре.

Я отперла двойные двери, ожидая увидеть за ними строгость беленых стен, среди которых росла сама, пустую и гулкую оболочку здания, очищенную Реформацией от средневековой избыточности.

Но это место оказалось совсем непохожим на церковь моего отца.

В часовню заглядывал ряд изысканных готических эркеров. Кто бы ни пристроил ее к стене замка, он не позаботился о том, чтобы заложить эти окна. Их богато украшенная кладка выглядела много лучше простоты кирпичной часовни. Каждое окно обрамляли каменные виноградные лозы и розетки. На панно по соседству толпились фигуры с истершимися лицами и руками. Изображенные сюжеты ни о чем мне не говорили.

Когда я зажгла свечи и поставила их в деревянные подсвечники, свет отразился от толстого и неровного «лунного стекла». Круглые плашки взирали на нас из решетчатой рамы, словно выпученные глаза рыб.

Перед алтарем и кафедрой стояло четыре ряда запыленных скамей.

– Мне ударить в колокол? – спросил мистер Бенджамин.

Я кивнула. Затем вынула носовой платок и, кашляя от пыли, протерла скамьи.

Раздался одинокий удар колокола, чистый и очень громкий. Привычный звук, который очень походил на перезвон в церкви Бердфорта. Он должен был вознести мои мысли к небесам, но лишь напомнил, насколько я далека от дома.

Я изо всех сил старалась представить, что в часовне полно фейри. Попыталась заполнить ее теми странными лицами и фигурами, которые успела заметить в порту в день приезда. Увы, шанс изучить их внимательнее я упустила и чувствовала теперь, что никогда больше не увижу тех созданий. Старалась вообразить у алтаря своего брата. Стихарь викария, который всегда казался коротковатым для его рослой фигуры. Вспоминала улыбку Лаона.

А затем встряхнула носовой платок, и глаза защипало от пыли. Тыльной стороной ладони я смахнула влагу.

Мне не хватало Лаона. Того, как щекоткой я не давала ему засыпать в церкви. Того, как мы хихикали, спорили вполголоса и умолкали, едва отец со своей кафедры бросал на нас суровый взгляд. Но я все равно продолжала стискивать брату ладонь, без моих острых ногтей он неминуемо задремал бы.

– Начинаем? – вернувшись, спросил мистер Бенджамин.

– Колокола призывают верующих, – сказала я. – Мы должны подождать. Если так делает мой брат, то и мы должны.

Возможно, все миссионеры думают, что именно их края подвергают набожную душу самым тяжелым испытаниям. Но где еще местные жители столь привычны английскому разуму и в то же время столь чужды ему? Несмотря на все странные и удивительные рассказы капитана Кука, я понятия не имела, что ожидает меня за этими стенами.

– А что находится за пределами замка? – спросила я.

Мистер Бенджамин оторвался от псалтыря, который держал в руках, и нахмурил широкие брови:

– За пределами?

– Да. Я хочу узнать, что снаружи. Пока ехала в карете, не видела ничего, кроме тумана. А мисс Давенпорт говорит, что мне не следует выходить.

– Вам не следует выходить.

– Но что же снаружи?

– Ничего особенного, особе ничегообенного. – Гном ощутил, как эта словесная неразбериха приятно перекатывается у него во рту и усмехнулся, отчего морщины на его лице сделались глубже. Он смаковал ее, точно леденец или кусочек шоколада. – Особе ничегообенного, ничего особенного.

– Не слишком хороший ответ, мистер Бенджамин, – упрекнула я.

Он пожал плечами:

– Это не слишком хорошее место.

Его ответ не мог не напомнить об отчетах миссионеров, которые я изучала, предвкушая свое путешествие. Насколько иначе они описывали дальние берега, полные дикарей и людоедов. Темные племена в конце концов приходили к вере благодаря красноречию и добрым делам миссионеров. Однако это была не просто словесная баталия, поскольку для многих возвращение веры подобно возвращению вереска. В отчетах внешний мир описывался как бескрайняя дикая пустыня, ждущая семян наставления, из которых проклюнутся верные слова Откровения.

Я всегда гадала, настолько ли дикая эта пустыня, как увядшие вересковые пустоши у нас дома.

В детстве, гуляя по ним вместе с Лаоном, я не могла представить себе более заброшенное и отданное природе место. Холод пронизывал наши лица, а над бесконечными голыми долинами висел туман. Мы гонялись друг за другом по колыхавшемуся на ветру вереску. Бегали по разрушенным фермам. Притворялись, что во всем мире не осталось никого, кроме нас, и мы одиноки под этим бездонным йоркширским небом.

Но даже те мнимые пустоши кто-то старательно возделывал. Вереск, молодые деревца и прочие растения выжигали, чтобы расчистить пространство для куропаток и овец.

До сих пор помню, как в первый раз увидела пламя, морскими волнами накатывавшее на вересковую отмель. Прилив, который, казалось, готов поглотить все вокруг. Помню, с каким жаром я схватила Лаона за руку и принялась растолковывать ему то, что объяснила мне в то утро наша няня Тесси: вот так оно все и делается. Пустоши должны оставаться пустошами. Это все равно что подстригать ногти.

Уступая эти земли природе, мы все же предпочитали видеть их пустыми.

Поэтому мой разум просто не мог вообразить понастоящему заброшенные края. А что, если дикие пустыни, о которых писали нам благородные миссионеры, тоже были старательно кем-то возделаны? Что, если кто-то нарочно решил оставить их голыми?

Тем не менее здесь ни один урок тех давних историй не казался уместным.

Мы прождали мисс Давенпорт целый час, а тем временем мистер Бенджамин задавал все новые вопросы, которые возникли у него после прочтения Завета. Спрашивал он самым мрачным тоном, но некоторые из его фраз заставили меня улыбнуться. Я решила отправить его за ответами к брату, но увлеченность гнома была заразительна. Его весьма заинтересовали значение жертвоприношения и важность расплаты. Он пояснил, что фейри любят цифры и издержки.

– Это как долг, за который Иисус в полной мере расплатился своей смертью. Своей жертвой, – ответила я. – Дань, искупившая первородный грех, послушание в райском саду, запретный плод.

– Но это же человеческий грех? Или тот грех лег на всех? Мы все пали или только Человек?

У мистера Бенджамина была привычка называть Адама буквальным значением его имени на древнееврейском – «Человек».

– Я бы сказала, что тот грех разделен, по крайней мере, с той, кто первой вкусила плод.

– Запретную пищу есть опасно, – гном нахмурился и сморщил нос, пытаясь вспомнить. – Это ведь из Псалмов? «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя»¹⁵?

Я кивнула:

– Да, это часто цитируют, ссылаясь на оригинал...

– Тут речь о фейри. Я думаю. Наверное. Но мы созданы такими. Так это про нас, да?

– Даже не знаю, – следующий вопрос я задала, заранее страшась ответа. – А как вы... как вы создаетесь?

– Как и написано. Там все верно сказано.

Тут он принялся настаивать, чтобы я подробнее объяснила ему теологию искупления и первородный грех. Но вскоре мы отклонились от темы и заговорили о древних чудовищах, и вот уже оживленно обсуждали апокрифы и то, как архиепископ однажды постановил, что любой, кто публикует Библию, должен сохранить апокрифы, иначе будет заключен в тюрьму на год.

– А что в них?

– Безумные истории, – сказала я, сумев припомнить их лишь наполовину. – Кое-что из детства Иисуса, о том, как он оживил глиняных птиц. Юдифь и Олоферн – это, конечно, апокриф. Еще «Книга стражей»¹⁶ про падших ангелов и нефилимов.

– Безумные слова – это сорняки, – произнес мистер Бенджамин. – Они прорастают, даже если их выколоть. Не место им в садах.

– Так же считало Библейское общество Шотландии. И обратилось к Британскому и Зарубежному библейским обществам с просьбой не печатать этих текстов. До сих пор помню, как мой отец метался по кабинету.

– От злости?

– Он был упрям, но все же терзался. И скорее не хотел изучать эти апокрифы с нами, чем полностью их искоренять.

– Сорняки – обычное дело. От них до конца не избавишься. Я садовник, я знаю. – Он так глубокомысленно кивнул, что я не смогла удержаться от смеха.

Наши многочисленные разногласия с мисс Давенпорт только усилили мое нежелание сообщать ей о найденных бумагах. Всерьез их изучить мне удалось лишь спустя несколько дней.

Я дождалась краткого промежутка настоящей ночи, когда рыба-луна выплыла из-за темных облаков. Ее свет навевал воспоминания о том, как посреди зимы я стояла у лестницы, которая вела в подвал, и смотрела на мерцавшие внизу куски ломкого угля. Открыв бювар, я благоговейно вынула по очереди каждый листок. Осторожно перебрала их и разложила на потертом ковре.

На мгновение я позволила себе ощутить красоту незатейливой тайны, прежде чем в нее погрузиться.

Бумаги сильно различались по размеру, форме и текстуре. У некоторых были рваные края, другие были грубо обрезаны, а иные отражали свет, будто их вырвали из книги с золотым обрезом. Большинство страниц оказались исписаны все теми же загадочными символами.

Енохианский.

¹⁵ Пс. 50:7.

¹⁶ Иное название «Первой книги Еноха».

С этим названием я уже сталкивалась, но никак не могла вспомнить, где именно. Может быть, у средневековых гностиков? Или в домыслах Нострадамуса? Его книг у моего отца не было, но в одном из томов нашей библиотеки приводились цитаты предсказателя. Ради того, чтобы их опровергнуть.

Я перешла к тетради в кожаном переплете, которую нашла в первую ночь. И, полистав ее, заметила, что страницы исписаны разными почерками. Слова толкались и наседали друг на друга, стараясь найти свободное пространство.

«...Кое-чего они мне недоговаривают. Я чувствую это всем своим существом. Дом, в котором меня держат, неправильный, здесь все неправильно. Можно было догадаться. Они двуличны по своей природе, более того, у них есть секреты, это я могу сказать со всей уверенностью. И все же их оружие – правда. Как я могу разговорить их? Меня переполняет страх, но еще меня переполняет надежда...»

«...Они едва умеют говорить на нашем языке и скорее насмеются над ним. Мне не удается держать соль достаточно близко. Слово Божье защитит меня...»

«...Теперь я знаю больше, чем можно и должно знать. То, чего нельзя записывать...»

Передо мной был личный дневник преподобного Джейкоба Роша. Первого миссионера. Я захлопнула тетрадь.

Сердце бешено колотилось. Всего этого не следовало читать. Преподобный Хейл меня предупреждал, он ясно дал понять, что записи нужно найти и вернуть нетронутыми.

И все же.

Пальцы ласкали потертый кожаный корешок. В конце концов, изучать обложку преподобный мне не запретил.

Дневник был переплетен в такую тонкую кожу, что она напоминала пергамент. Свет от свечей излишне подчеркивал грубость ее выделки, однако разглядеть шрамы животного было трудно.

На задней странице обложки виднелись выжженные посередине полумесяцы, которые располагались чуть изогнутой линией. Удивленная, я прижала кончики пальцев к каждому из них. Под большим оказалась пятая метка, угольно-черная на фоне бледной кожи. Прищурившись, я разглядела в одном из полумесяцев намек на завивающиеся узоры и выемки в каждом из остальных.

Вертя в руках тетрадь, я рассуждала так: преподобный Хейл просил ее не читать; тем самым он, вероятно, давал понять: не стоит признаваться в том, что просьба не была исполнена. Не мог же он ожидать, что я обуздаю свое любопытство.

Я так мало знала об Аркадии, но после таинственных намеков мисс Давенпорт относительно судьбы предыдущего миссионера не могла не задаться вопросом: что, если разгадка содержится в его дневниках?

Я решительно отложила тетрадь и снова занялась бумагами.

«Перевод Библии на енохианский язык».

Эта фраза, написанная на безукоризненном английском, и стала моим ключом. Если предположить, что передо мной труды того, кто изучал странные символы «енохианского», то строки на латыни могут быть только переводами. Тот же вывод подходил и для заполненных однообразными, неуклюжими каракулями листов бумаги. Их вид напоминал о том, как мы с Лаоном в детстве тренировались выводить свои имена, заполняя ими страницу за страницей.

Я прекрасно владела французским и немецким, которым меня выучили ради поэтических переводов и прочих благовоспитанных занятий. Зато мои познания в латыни и греческом были довольно скудными и, так сказать, заимствованными из книг Лаона.

Тем не менее этого казалось достаточно, чтобы начать сравнивать стихи. Я не думала, что по разрозненным фрагментам сумею собрать воедино целый язык, но узнать несколько повторяющихся слов было мне вполне по силам.

Карты существуют не только для тела, но и для духа. Пусть я и была заперта в Гефсимании, моя душа пела от исследовательского азарта. Я просто не могла не вообразить, что стою на одной из границ нашего познания и вглядываюсь в темную бездну человеческого невежества.

Наверное, глупо было так думать, но последние дни я не находила себе места, а моим душе и разуму для поддержки не хватало одного лишь хлеба. Получив теперь нечто большее, я с нетерпением погрузилась в тайну.

Мои пальцы зудели от желания записать какие-нибудь из моих предположений. Не стоит пытаться немедленно осмыслить и опровергать случайные догадки, лучше отложить это на потом. Сжимая в руках дюжину разрозненных страниц, слишком легко прийти к поспешным выводам, а опыт научил меня, насколько в подобных делах важна методичность.

Я отвлеклась от работы и заметила, что дверца, ведущая в пустоту, не заперта. Прошлые несколько раз я относилась подобное на счет собственной небрежности или забывчивости, но теперь во мне начало расти подозрение. Стараясь не придавать этому значения, я накрепко заперла засов.

Это всего лишь дверь. Бояться тут нечего.

Взглянув на замок, я заметила, что на нем выгравированы маленькие заостренные символы. А поднеся свечу ближе, увидела, что они похожи на те, которыми были исписаны найденные мной бумаги. Это даже могло оказаться слово, которое я сумела бы перевести. Предвкушая триумф, я улыбнулась.

Смутно припоминая, что в сундуке должен быть письменный прибор, я откинула крышку и пошарила на дне. Там и в самом деле отыскался пузырек с чернилами и древняя ручка со стеклянным наконечником. Ощутив под пальцами что-то еще, я вынула из сундука сложенный пополам обрывок страницы.

За спиной раздался громкий, протяжный вой.

Я испуганно обернулась. Звук шел из-за дверцы в пустоту.

Это был просто ветер. Я понимала, что это всего лишь ветер, достаточно сильный, чтобы загремели петли тяжелой створки. Он стenal среди башен замка. Вдалеке стучала оконная ставня.

Я шарилась на полу в поисках выскользнувшего из пальцев обрывка. Длинные тени расплазались от дрожащего света свечи. Мои руки замерзли, пока я искала страницу на холодных камнях.

Развернув ее, я увидела напечатанный типографским шрифтом текст. Судя по торопливой приписке на полях, страница была из «Правдивого и достоверного рассказа о том, что много лет происходило между доктором Джоном Ди и духами» Мерика Касобона¹⁷. И хотя читать готический шрифт оказалось непросто, я начала отчасти понимать завуалированную историю енохианского языка.

Той ночью мне почти не удалось поспать.

¹⁷ Мерик Касобон (1599–1671) – англо-французский доктор богословия. В 1659 году он написал книгу о спиритических практиках известного в 17 веке оккультиста и математика Джона Ди.

Глава 6. Полуночные мистерии

Подобно тому как повеления приводят в движение разум человеческий и тот легко уверяется в истинности вещей, так и Создания Божьи приходят в волнение, заслышав слова, с которыми они были принесены в мир. Ибо неспособно двигаться то, что не убеждено, а тем, что неизвестно, убедить нельзя.

Создания Божьи не понимают вас; вы не из их Городов. Вы сделали врагами, поскольку невежество разлучило вас с Тем, кто правит Городом.

Среди прочих Его Творений, Адам, сотворенный невинным, все же не стал причастником Силы и Духа Божьего.

Он не только знал все Его Создания и говорил о них верно, раздавая имена, но и участвовал в появлении нас самих и нашего братства. Да, он говорил о Божьих таинствах. Да, говорил с Самим Богом. И хотя слова его были наивны, он общался с Всевышним и нами, Его добрыми ангелами. И тем самым был Адам возвышен.

На языке, которому я научу вас, нельзя говорить ни о чем другом, нельзя общаться с воображением человеческим. Ибо сие есть Труд и Дар Господа, в коем заключена всякая сила, и раскрывает Он ее в языке силы, дабы сама собой установилась гармония. Ибо было написано: «Мудрость восседает на холме, созерцая четыре ветра и подпоясывая себя сиянием утра, но приходят к ней немногие, и живет она одиноко, точно вдова».

Поэтому вы понимаете надобность этого языка.

Мерик Касобон, «Правдивый и достоверный рассказ о том, что много лет происходило между доктором Джоном Ди и духами», 1659 год

Тайны увлекли меня, взбудоражили разум и, наконец, прокрались в мои сны бессмысленной мешаниной образов. Их смысл от меня ускользал. Я ворочалась во сне, преследуя мрачные тайны по извилистым коридорам Гефсимании.

Когда рассвет наполнил сиянием мою комнату, я проснулась с перепачканными чернилами руками на груди заляпанных бумаг. Сон сморил меня прямо на полу.

Я потеряла глаза, и их защищало от засохших на пальцах чернил. С трудом я поднялась на ноги.

Мой взгляд непроизвольно метнулся в сторону дверцы, ведущей в никуда. Еще ничего не успев разглядеть, я шагнула к ней, чтобы запереть. Впрочем, предположение оказалось верным, и я решительно задвинула засов. Уже в который раз... Вероятно, тот разболтался. Я убеждала себя, что его сдвинул ночной ветер, но холодок все равно бежал по спине.

Я терла над умывальником руки и лицо, пока кожа из чернильно-черной не сделалась красной. Разум попрежнему занимало все то, что мне удалось узнать о енохианском – божественном языке, названном в честь Еноха, последнего человека, который его понимал. Страницы содержали громкие заявления о том, что именно эти изломанные, угловатые символы использовал Сам Всевышний, создавая мир, а затем передал Адаму, чтобы тот мог дать имена всем существам и предметам в райском саду. Страницы уверяли, что в языке ангелов заключены всевозможные тайны, что в знании первых, истинных, имен всех вещей сокрыта сила.

Мое сердце бешено колотилось. Я убеждала себя, что все из-за выплеснутой в лицо ледяной воды.

И все-таки, зачем кому-то – преподобному Рошу? – пытаться переводить Библию на енохианский? Возможно, ему виделся в этом некий акт восстановления – Слово Божье, записанное на языке Бога. Или тут было что-то еще?

У меня разболелись глаза. Я закрыла их и прижала к векам излишне горячие пальцы.

Меня по-прежнему терзали вопросы: было ли это орудие Благой вести, и если да, то он ли настоящий язык фейри? Правдива ли старая теория о том, что фейри и есть ангелы? Или они просто помнят енохианский со времен Адама?

Я переоделась, нащупывая на одежде крошечные обтянутые тканью пуговицы. Вопросы метались у меня в голове, сплетались друг с другом в бесконечном извивающемся хороводе. Я составила список неповторяющихся символов и принялась сравнивать слова. Бессмысленное занятие, но своего рода прогресс в нем все же был – на скале неведения появилась точка опоры.

Сейчас мне, как никогда, не хватало Лаона. Хотелось рассказать ему обо всем, прижаться лбом ко лбу и прошептать то, что я знала, будто секреты, которыми делятся, лежа в темноте под пледами и покрывалами из овчины.

Интересно, как бы он поступил с подобными откровениями – пренебрег обрывками документов, найденных в случайной комнате его замка, или вопросы стали бы преследовать его точно так же, как меня? А что, если он уже знает о содержимом этих бумаг, и именно знание заставляло его молчать?

Весь тот день, когда Лаон, оставив меня в одиночестве, начал изучать латынь, я проплакала. Он предлагал научить меня, разделить с ним книги. Обещал, что мы останемся такими же, как раньше, и он будет относиться ко мне по-прежнему, даже если другие откажутся это понимать.

Тайны всегда заставляли меня чувствовать себя одинокой.

Я попыталась представить себе голос брата. Вспоминала изгиб его уха возле моих губ, тепло его ладоней. Наши пальцы очень давно не переплетались. Даже уезжая, он не пожал моей руки.

Но все это казалось слишком взрослым для перешептываний и сплетенных ладошек. Я чувствовала себя слишком взрослой.

Неужели так много времени прошло с тех пор, как мы бегали друг за другом по вересковым пустошам и прятались среди разрушенных ферм?

Я вспоминала, как близки мы были с Лаоном, и внезапно осознала, что такого, возможно, никогда больше не будет. В чем же причина? В расстоянии, что пролегло между нами, когда меня отправили в школу? Но ведь я писала ему всякий день, подмечала для него каждое мгновение, и он так же добросовестно отвечал мне. Или все произошло позже? Однако и тогда мы продолжали обмениваться письмами, хотя работа и не позволяла ни одному из нас оставаться столь же прилежным в переписке. А потом, оставшись без места, я вернулась и нашла брата...

Это не важно. Он по-прежнему был моим братом. И ничто не могло этого изменить.

В дверь постучали, следом раздался вопрошающий голос мисс Давенпорт.

Мой испуганный взгляд метнулся к записям, все еще разбросанным по комнате.

– Минуточку, пожалуйста!

Я постаралась ответить как можно спокойнее, а сама торопливо собирала бумаги и прятала их среди своих собственных. Задела аккуратную стопку книг, которые привезла с собой, те рассыпались по письменному столу и с глухим стуком упали на пол.

Тихий скрип оповестил о вторжении мисс Давенпорт. Я попыталась унять дрожь в руках и успокоить дыхание.

– Вас не было за завтраком, – весело произнесла она, придерживая дверь бедром, и внесла большой и тяжелый поднос. По комнате разнесся аппетитный запах бекона и смазанных маслом тостов. – Вот я и решила принести его сюда. Не думаю, что стоит доверить заботу о вас Саламандре. Пусть даже она экономка.

С тихим звоном она поставила поднос и, пританцовывая, приблизилась ко мне:

- Что там у вас?
- Уч-учебники, – ответила я, захлопывая бювар и с несколько излишней решительностью запирая его. – Я их разбирала.
- Учебники? – Она наклонилась и подняла одну из книг.
- Их прислали из Общества.
- Раскрыв книгу, мисс Давенпорт, запинаясь, прочитала на титульном листе:
- Право... писание... учебник для... начинающих или... первая книга для... детей...
- Полагаю, Общество хотело найти мне достойное применение.
- Она рассмеялась, и на сей раз насмешка у нее в голосе угадывалась безошибочно. Он сделался пронзительным, точно у плохо настроенной скрипки.
- У меня есть кое-какой опыт учительницы, – уязвлено произнесла я.
- Неужели они полагали, что здесь не будет отбоя от жаждущих учиться детей безбожников? – Ее рот растянулся в широкой улыбке. – Чумазные брауни¹⁸ и очаровательные маленькие пикси¹⁹ соберутся вокруг мисс Хелстон и попросят научить их благороднейшему английскому языку?
- Не думаю, что у меня были какие-то особые ожидания.
- О, но вы же наверняка хотели учить их, рассеявшись на шляпках грибов и попивавших из лютиков крапивный чай. – Заливаясь смехом, она обхватила пальцами воображаемую чашечку и притворилась, что изящно пьет из нее. – Мы бы делали вам реверансы в своих изысканных платьицах из лепестков ромашки и приподнимали шапочки из руты. И были бы до того благодарны за переданные вами знания...
- Я ожидала, что познакомлюсь больше чем с двумя фейри. И отправлюсь дальше дома своего брата. – Я скрестила руки на груди. – Я ожидала каких-нибудь ответов.
- Смех мисс Давенпорт резко оборвался.
- Вам нет нужды...
- Простите, – непроизвольно произнесла я, заметив ее беспокойство. Слишком легко было увидеть в мисс Давенпорт моего тюремщика.
- Нам надо поесть, – объявила она, и в ее голосе снова зазвучали радостные нотки. – Я весьма проголодалась.
- Я кивнула, желая поскорей заключить между нами перемирие. Затем помогла ей переставить предметы в круглой комнатке, чтобы тут смогли пообедать двое. Мисс Давенпорт накрыла скатертью мой сундук и выгрузила на него все то, что принесла на подносе.
- Почистив целую дюжину вареных яиц, она удовлетворенно вздохнула. Затем сунула их мне под нос и протянула соль.
- Посыпьте для меня, – попросила она.
- Прошу прощения?
- «Ты соль скорей сгребь в щепоть и над едой тряхни, – процитировала она народный стишок. – А следом повторяй: Господь, мне душу сохрани».
- При слове «душу» в ее голосе появился саркастический оттенок.
- О, конечно, – сказала я и посыпала солью яйца. Всякий раз во время наших совместных трапез она настойчиво просила меня об этом, но мне не удавалось спросить зачем. Расспросы о подменышах казались немного навязчивыми, особенно учитывая то, как она избегала церковных служб. – А что вы делаете, когда меня нет?
- Не ем.

¹⁸ *Брауни* – домашние духи в мифологии Шотландии и Северной Англии, небольшие человечки ростом около 90 сантиметров с нечесаными коричневыми волосами и ярко-голубыми глазами.

¹⁹ *Пикси* – небольшие создания из английской мифологии, считаются разновидностью эльфов или фей.

– О, – сказала я, смягчаясь. Интересно, как долго она голодала после отъезда моего брата? – Разве вы не...

– Можно снова вас попросить? – перебила она. – Я очень голодна.

Я кивнула и, выполняя ее просьбу, посолила фруктовые пироги, кекс, сливочное масло и шоколадный кофе в чайничке. Клубника на лимонно-желтом корже отливала зеленым, но от прикосновения соли сделалась розовой. Кекс словно выдохнул и опустился на тарелке плотной влажной массой.

– Есть ли новости о моем брате? – спросила я, заранее зная ответ. Этот вопрос я задавала почти каждый день.

Мисс Давенпорт покачала головой:

– Боюсь, что нет, он все еще... я не знаю, где именно. В глубине страны. Там же, где двор.

– Двор?

Прежде она рассказывала куда меньше. Я пригубила пряный шоколад и добавила еще одну ложку сахара. Никак не удавалось привыкнуть к привкусу соли во всем, что я ела.

Под моим пристальным взглядом мисс Давенпорт заерзала:

– Я в самом деле не знаю. Политическая жизнь Фейриленда не так проста.

– Но вы, по крайней мере, признаете, что она есть. А значит, есть и политики, – я отставила шоколад и внимательно посмотрела на нее, надеясь, что она вздрогнет, если мои слова окажутся близки к правде. – Двор ведь подразумевает кого-то или что-то во главе? К примеру, монарха. Получается, единственное, чего мне недостает, это титул...

– Умоляю, не пытайтесь выманить у меня ответы.

– Если не хотите отвечать на этот вопрос, – произнесла я, рассудив, что фейри, как никто другой, любят сделки, – то расскажите хотя бы, как Рош исполнял свои обязанности.

– Что вы имеете в виду?

– Прозелитизм ²⁰, – ответила я. – Знаю, вам нельзя говорить о том, как он... как он заслужил свой мученический венец. Но, безусловно, можете рассказать, как он здесь трудился. Как он нес Слово?

Она перестала намазывать кекс маслом. Отложила нож.

– Здесь так уединенно. Не могу представить, с кем ему было тут говорить. – Я с отвращением заметила, что в мой голос прокралась умоляющая нота. – Не могли бы вы рассказать?

Мисс Давенпорт молчала.

– Мне ведь почти ничего не известно. Лишь то, что он обратил мистера Бенджамина и исчез. Даже не знаю, вернули ли его тело. Кто еще был здесь? Вы подшучиваете над моими детскими фантазиями, и все же не хотите... – я осеклась. Сделала глубокий вдох. – Простите.

Пришлось заставить себя обратить внимание на разложенный передо мной завтрак. Я взяла ломтик хлеба и, несмотря на то, что тот уже остыл, масло растаяло, едва коснувшись темного мякиша. Кекс оказался роскошным и очень сладким, больше похожим на пудинг. Шероховатый от кристаллов сахара, он таял во рту.

– К нему приходили гости, – очень медленно и осторожно произнесла мисс Давенпорт. В том, как она себя сдерживала, чувствовался трепет. – Было не так много мест, куда бы он мог пойти.

– Спасибо вам...

– А мистер Бенджамин... он не всегда был садовником и смотрителем. Легко дать надежду тем, кто заблудился. Отчаялся. Они искали. Он нашел.

– Что это зна...

– Мы должны прогуляться по саду, – сверкнув улыбкой, перебила она.

²⁰ Прозелитизм – стремление обратить других в свою веру, а также деятельность, направленная на достижение этой цели.

Мисс Давенпорт проглотила последний кусочек кекса, и от прежнего напряжения не осталось и следа. Затем осушила чашку шоколадного кофе и посмотрела на меня. На ее молчаливое предложение допить свой кофе я лишь покачала головой.

– Вы уже водили меня по внутренним дворам замка, мисс Давенпорт.

– По дворам, конечно, но не в сады. Уверена, потом вы согласитесь, что они могли бы соперничать с садами Кью ²¹.

– Не посмею утверждать, что была в Королевском ботаническом саду.

– Что ж, я тоже, – мисс Давенпорт наигранно подмигнула и резко захихикала, – но в таких вещах скромничать не стоит. Хотя я слышала, у их юного истопника настоящий талант к садоводству.

– У истопника?

– Джона Смита ²², который приглядывает за садами. У него верный подход к растениям, – натянутая улыбка расколола ее лицо, и мисс Давенпорт многозначительно постучала себя по носу. – Иногда я говорю слишком много, слишком много.

²¹ *Королевские ботанические сады Кью*, или *сады Кью*, – комплекс ботанических садов и оранжерей площадью 132 гектара в юго-западной части Лондона между Ричмондом и Кью, исторический парковый ландшафт XVIII–XX веков. Сады созданы в 1759 году.

²² *Джон Смит* (1798–1888) – английский ботаник, первый куратор Королевского ботанического сада Кью. Начал работу в садах с того, что топил печи для обогрева теплиц.

Глава 7. Башня в саду

Balaenoptera wickeris, часто называемый «морским китом» благодаря своеобразному юмору фейри, считается самым громадным среди прочих животных, поскольку он в два раза больше самого крупного из тех китов, которые действительно обитают в морях. В отличие от них, это животное, по слухам, плавает в почве. Следует различать его с такими животными, как «заморский кит» – невидимой рыбой, которая скрывается в морях возле портов Аркадии, – и «мирской кит», которое имеет более привычное для нас название *Balaena sinistris*.

По словам Сиббальда, жители Аркадии считают, что морской кит сделан из прутьев. Он описывал странные верфи в Фишфорте, на которых строили этих животных. Говорят, внутри кита, когда тот проглотит достаточно «моря», способны существовать целые экосистемы. Деревянные китовые «кости» часто встречаются на базаре гоблинов.

Все это, разумеется, противоречит здравому смыслу. Хотя морской кит – существо реальное, его присутствие на суше – всего лишь форма фата-морганы, превосходный мираж, результат отражения и преломления, благодаря которым изображение кита переносится из его родного моря внутрь континента, как правило, в наиболее окутанные туманом части Аркадии. Туман является ключом к пониманию этого естественного оптического явления, поскольку иллюзии обеспечивают капли воды. Как фата-моргана может создать видимость корабля, находящегося внутри волн, так же она заставляет кита появиться внутри земли.

Роберт Уолтон²³. Естественная история китов с добавленным к ней очерком о китобойном плаванье по Южному морю

Я не ждала, что сад в замке, окруженном высокими стенами и рвом, окажется каким-нибудь особенным. Прогулки с мисс Давенпорт уже познакомили меня с непримечательной растительностью внутренних дворов.

Когда моя спутница проходила мимо часовни, я вспомнила ее замечание о мальчике-истопнике с талантом к садоводству.

– Вы хотели сказать, что он подменыш? – спросила я.

– Я ведь не совсем так выразилась, правда? – нараспев произнесла она и раздвинула заросли плюща на дальней стене двора.

Листья и лозы были до того густыми, что казались тяжелым зеленым занавесом. Я вспомнила предупреждение мистера Бенджамина.

Мисс Давенпорт отцепила от браслета ключ и подмигнула мне:

– Не рассказывайте Саламандре, что он у меня есть.

– Не расскажу, потому что не смогу, – ответила я. – Я не встречалась с Саламандрой.

– И это к лучшему.

Она улыбнулась, будто совершила нечто остроумное, и отперла окованную железом дверь, которая пряталась за плющом.

С другой стороны ощерившейся бойницами стены оказался наполовину одичавший, живописно заросший сад.

²³ Роберт Уолтон – персонаж романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», капитан корабля, исследователь.

Окаймленный руинами римских арок и колоннад, он выглядел так, словно давно забытый лорд из прихоти запечатал разрушенную виллу и превратил ее в место для увеселений. Шпалеры придавали розам форму элегантного навеса, укрытого в тени высоких кедров. Сад благоухал, точно церковь. Четыре тропинки пересекали лужайки и приводили к оливковой роще в центре.

Я словно вошла в средневековую рукопись, в освещенный *hortus conclusus* ²⁴.

– Мило, правда? – спросила мисс Давенпорт, с интересом заглядывая мне в лицо. – Я же говорила, что так и будет.

– Говорили... – пробормотала я.

Посреди оливковой рощи, сразу позади закрученных в спираль стволов деревьев располагался поросший водяными лилиями каменный фонтан. Труба была перекрыта, поэтому прохладная вода оставалась совершенно неподвижной.

Я опустила в нее руку и погладила лепестки лилий. Улыбнулась всей этой красоте. В отличие от блеклой помпезности замка, обнесенный стеной сад превратили в нечто большее. Создавалась иллюзия возвышенной бесконечности, не до конца пойманной и скованной. Точно радуга на воде.

– Какова история Гефсимании? – спросила я.

– Гефсимании? Имеете в виду это место?

– Историю этого замка, этого сада. Он явно старинный. Кто жил здесь до, ну... нас?

Подменышка пожала плечами:

– Никто.

– Но...

– Никто, кого бы я знала, – поспешно добавила она. – Был, конечно, предыдущий миссионер, Рош, но о других мне неизвестно. В конце концов, это место построено на тайнах.

– Слишком уж много тайн, – пробормотала под нос я, но настаивать не стала. Ее первый ответ был многозначительным, хотя и вырвался невольно. Наша словесная баталия слишком напоминала выманивание ответов у школьных учителей, когда ловушки работают лучше, чем упрямые расспросы. И все же кое-что приходилось выторговывать.

Мисс Давенпорт прогуливалась у розовых кустов. Сорвав бутон, она осторожно, один за другим, отрывала у него лепестки, и это занятие полностью ее поглотило.

Ветер шелестел ветвями и доносил сильный аромат мяты, который увлек меня дальше в кедры. Мы с Лаоном любили растирать мяту в ладонях, пока те не пропитывались ее запахом. Разыскивали ее по всей округе или крали из сада Тесси. Смеясь, я напускала на себя важный вид и, провозгласив себя леди из Лондона, мазала мятой за ушами.

Среди деревьев стояла круглая башня, слишком маленькая, чтобы вместить больше одной комнаты.

Висевший над головой маятник солнца придавал камням цвета слоновой кости теплосияние. Часть башни соединялась с замком узким крытым мостиком. Тот был не из белых камней, а из красного кирпича. Курьезно, конечно, но, пожалуй, не страннее остальной части сада. И, как и весь он, башня казалась застывшим мгновением, которое создала фантазия давно умершего монаха. Я представила, как тень его дрожащих рук ложится на крышку колодца и гладкие бледные камни.

Дверь была слишком велика для башни. Оскаленный молоток позеленел от времени и запачкал мне руки.

Я заглянула внутрь.

²⁴ *Hortus conclusus* (с лат. «закрытый сад, хортус конклюдус») – латинское выражение, восходящее к цитате из библейской Песни Песней: «Запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник» (Песн. 4:12). Является символическим обозначением Девы Марии.

– Эй! – мой голос эхом отозвался в каменной зале.

Я осторожно толкнула дверь, и та тихонько скрипнула.

В неподвижном воздухе ощущался привкус меди. Я чувствовала себя так, словно вскрыла древнюю гробницу и вдохнула затхлый дух прошлого.

Солнечный свет лился в окна и пронзал висевшую в этом мнимом безвремье пыль. В дальнем конце залы, за сломанными скамьями и опрокинутыми канделябрами, располагался слегка утопленный в стену алтарь. На нем стоял запрестольный образ – тройная рама из потускневшего золота казалась пустой, цвета панно размыло рекой времени. Их поверхность покрывала многолетняя сажа и грязь от свечей и ладана. Тени укрыли все, кроме позолоченных нимбов над ликами.

Лишь их святость уцелела.

Я медленно двинулась к алтарю, зачарованная разрушением, которое претерпела часовня. На опрокинутых скамьях остались шрамы от тяжелого лезвия. Наверное, от топора.

Меня пробрал озноб, когда я задумалась о том, кто способен был осквернить это место. Быть может, папист? Не верилось, что руки, сотворившие подобное, могли предвещать мне и брату что-нибудь, кроме беды.

На полу, рядом с чашей для причастия, темнело зловещее пятно. Возле опрокинутого престола на голых камнях валялись потрепанная Библия, серебряное блюдо, облатки и подсвечники.

«Делайте это в воспоминание обо Мне»²⁵.

Я была не настолько очарована новыми веяниями в богословии, чтобы считать облатки сакральными вне обряда, но все же оставлять их в пыли и грязи выглядело неправильным. Может, они и не плоть Христа в буквальном смысле, но на них Его прикосновение. Они больше, чем просто хлеб.

Я подобрала Библию. Из нее были вырваны страницы. Ледяные пальцы страха вновь сжали мне сердце.

Шагнув ближе к сиротливо стоявшему запрестольному образу, я подумала, что могу взглянуть на центральном панно распятого Христа, а у его ног фигуры трех Марий, прижавшихся друг к другу. На левом панно окруженный ореолом Христос в Гефсиманском саду на коленях умолял Отца Небесного избавить его от чаши страданий. Апостолы за его спиной преграждали путь мрачному Иуде. Я ожидала, что на правом панно окажется Мария, баюкающая мертвое тело Иисуса, но расположение фигур было неверным: одинокая крупная фигура, сияя, стояла перед чем-то наподобие красной двери, а другая – маленькая и бледная – то ли выбиралась из нее, то ли наоборот. Небо на заднем плане было полно огромными птицами.

Я осторожно протерла панно носовым платком. Грязь прилипла накрепко и лишь сильнее размазалась. Нахмурившись, я плюнула на платок и принялась тереть еще старательнее.

Это была вовсе не красная дверь, а зияющая пасть чудовища. Маленькие бледные фигурки бежали прочь от нее, а похожий на хлыст раздвоенный язык зверя обвивался вокруг одной из них. Птицами, от которых чернело небо, оказались демоны.

Меня постепенно осенило. Я не была уверена, изображение ли становится чище или это знакомые, хоть и едва различимые цвета поблекшего панно вызывают в памяти подходящие для понимания детали.

И все же ответ был только один – передо мной предстало Состество в ад.

Стиль его отличался от двух других панно, композиция была лишена изящества. По тому, как кричали и хватались друг за друга люди в клетках, я догадалась, что картина куда более старинная, возможно средневековая, а в запрестольный образ ее добавили позже из какого-то чуждачества. В конце концов, Состество в ад нечасто изображалось на алтарях.

²⁵ Лук. 22:19.

– Вот вы где, – послышался голос мисс Давенпорт. – Я не хотела, чтобы вы сюда заходили. Я услышала, как она вошла в часовню.

– Что это за место? – спросила я, разглядывая белую решетку ребер в пасти адского чудовища.

– Другая часовня.

– Другая?

– По правде, это не важно. Просто еще одно старое место в месте, полном старых мест, – она нервно рассмеялась. – К тому же все это ненастоящее.

– Кем был...

Она покачала головой:

– Мне не следовало приводить вас сюда. Все это должно было оставаться закрытым.

– Вы должны объясниться. Нельзя показать мне тайную часовню со следами прерванного причастия и ожидать, что я промолчу, мисс Давенпорт.

– Нам пора идти, – она бросала взгляды на темные углы часовни, на алтарь.

– Нет.

– Нам не стоит здесь находиться.

– По ответу за каждый шаг. – Сделка была глупая, но я стояла на своем.

– Я расскажу, как только мы уйдем.

– Рассказывайте сейчас.

Прежде чем заговорить, мисс Давенпорт сглотнула:

– Это просто шалость. Фейри их все время устраивают. Как вы, например, могли бы расставить в лесу чашки, чтобы разыграть детей, а те стали бы думать, будто фейри устраивали там чаепитие. Или расставили бы игрушечных солдатиков так, словно они пытаются сбежать из своей жестянки. Это игра.

– Но кто должен был это увидеть? Если есть игра, то должен быть игрок.

Она дрожала, но голос ее оставался ровным:

– Пока никто. Игра еще не готова.

Я переждала еще один удар сердца, а руки мисс Давенпорт продолжали взволнованно сжиматься и разжиматься у ее лица. Смягчившись, я шагнула к двери, принимая ответ, хотя все еще не доверяя ему.

На лице моей спутницы немедленно появилось облегчение.

Когда мы вышли из часовни, я пробормотала слова извинения. Это успокоило мою совесть, хотя мисс Давенпорт и не расслышала ничего. Оставалось лишь надеяться, что ее ответ стоил моего чувства вины.

Мы возвращались в молчании. У подножия лестницы, ведущей в мою комнату, мисс Давенпорт извинилась за то, что повела меня в сад.

– Я не подумала. Прошу прощения, – произнесла она, избегая моего взгляда. – Не следовало приводить вас туда. Это была моя ошибка.

– Но вы не откажетесь, по крайней мере, поесть вместе со мной. – Я вспомнила, что она говорила этим утром о соли.

– На самом деле подменыши не нуждаются в пище. При всем чувстве голода, нам она просто нравится. А вот несоленая нет... – она глубоко вздохнула.

– Тогда почему же вы просите меня, ссылаясь на соляной уговор?

Она долго изучала пол:

– Вам лучше забыть сад за завесой из плюща.

С этими словами она пожелала мне хорошего дня и повернулась, чтобы уйти. Часть меня хотела попросить ее остаться и рассказать, что так давит на нее, но я понимала, что не должна этого делать. Несмотря на все ее слова о моей защите и время, проведенное вместе, мы почти

не говорили ни о чем важном. А из-за моих предыдущих расспросов между нами уже возникла напряженность. Мисс Давенпорт лишь сильнее отдалится, если я снова переступлю черту.

Стоило руке чуть задержаться на ручке двери, как меня охватило чувство, что за мной наблюдают. Волосы на затылке встали дыбом, пристальный взгляд тысячи глаз был таким же осязаемым, как волна жара, коснувшаяся пальцев, когда они храбро проходят сквозь пламя.

Послышался шорох – то ли хлопки крыльев, то ли шелест листьев.

Я обернулась. Но за спиной была лишь моя собственная тень.

– Это же вы, Саламандра? Не правда ли? – крикнула я. – В тот раз вы мне помогли...

Я услышала высокий, похожий на звон колокольчика, смех. Или, возможно, это были колокольчики, которые звучали, как смех.

– В темноте. С фонарем. Я помню.

Я пошла на звук, но в замке, как всегда, никого не было. В незнакомом коридоре я оступилась.

– Не хотите со мной поговорить?

Звон колокольчиков становился все тише и тише, пока я не уверилась в том, что осталась одна.

Я вздохнула и поднялась к себе в комнату. Меня тревожила уклончивая мисс Давенпорт и еще больше тревожила неуловимая Саламандра.

Из всех обитателей миссии именно вышеупомянутую Саламандру мне еще только предстояло встретить. Мистер Бенджамин, когда его спрашивали об экономке, лишь мрачно бормотал об опасности изменчивого огня и, резко меняя тему, заговаривал о погоде.

Я собрала воедино некоторые представления об этой фейри, надо полагать, огненного толка. В конце концов, мне были хорошо знакомы воззрения Парацельса, который считал, что все фейри по своей сути относятся к природным стихиям, а в настоящее время не было причин думать, что он ошибался. Саламандра предположительно отвечала за домашнее хозяйство, а мистер Бенджамин всего лишь присматривал за домом, но труды экономки особых следов не оставляли.

Вздыхнув, я извлекла бумаги, которые утром спрятала от мисс Давенпорт. Вся эта история, по крайней мере, давала мне время поработать над енохианской рукописью.

Очертания символов ускользали из головы. Из-за их непривычности отличать один от другого оказалось непросто. А поскольку я неспособна была и предположить, как звучал енохианский, то даже мысленно не могла их произносить. И все ограничивалось сравнением глифов друг с другом. Каждое слово требовалось скрупулезно занести в каталог. Это напоминало мои попытки выучить греческий по учебникам брата, тогда глаза восставали против чуждого алфавита. Теперь же меня смешили те искренние жалобы на несуразность греческого. Енохианский был намного, намного хуже.

Я представила себя Жаном-Франсуа Шампольоном²⁶, впервые разбирающим иероглифы. Мы с Лаоном читали про его открытие в журналах отца.

Списки слов были, мягко говоря, неполными, а их написание – не всегда понятным и предсказуемым. Да и большая часть оказалась не на английском, а на латыни, и я проклинала женское образование.

Это было какое-то безумие.

Одна из поразивших меня странностей заключалась в том, что некая группа символов появлялась лишь сама по себе. И нигде в записях больше не повторялась. Это заставляло усомниться в своих предположениях. Не было никаких причин ожидать, что передо мной алфавит, схожий с кириллицей или даже рунами. Не было никаких причин ожидать, что тексты,

²⁶ Жан-Франсуа Шампольон – французский востоковед, основатель египтологии. Благодаря проведенной им расшифровке текста Розеттского камня 14 сентября 1822 года стало возможным чтение египетских иероглифов.

написанные одними и тем же буквами, будут написаны на одном и том же языке. Для иноземца страница на французском и страница на английском, без сомнения, выглядят довольно похожими.

Разум пребывал в панике, пока я изучала огромный перечень слов. Их повторяющийся рисунок позволял допустить, что это все-таки один и тот же язык.

Впрочем, оставалось еще слово с уникальным написанием.

Оно было в первой фразе на енохианском, которую я прочла благодаря шедшему следом переводу на латынь.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Ну, разумеется.

Я рассмеялась про себя, настолько очевидным все оказалось – эти символы означали Бога.

Я посмотрела на лежавшую передо мной страницу, увидела, что слово повторяется, и поняла, что не ошиблась. Это было Евангелие на енохианском языке. Наверное, чья-то попытка перевода Библии.

И все же, почему в этом языке для Бога придумано отдельное слово? При всем нашем благоговении, на английском оно состоит из самых обычных букв. Да святится имя Его, но в написании этого имени нет ничего исключительного. Еще до того, как я выучила алфавит, Агнесс рассказала мне, что слова «God» и «dog» являются зеркальными отражениями друг друга. Тогда этот факт поразил мой крошечный ум. Я полагала, что анаграммы – своего рода магия, которая способна превращать одни вещи в другие.

Я представила Шампольона, узнавшего в картуше имя Клеопатры. Возможно, то, что первым мне посчастливилось прочесть на енохианском именно это слово, было весьма уместно.

Существовали ведь те, кто и вовсе не записывал имен Бога, а на их произнесение накладывал табу. А также те, кто запрещал Его изображения. Возможно, это было сродни тому, чтобы писать Его имя способом, чуждым всей остальной рукописи.

Но мне хотелось видеть в этом нечто большее. Хотелось, чтобы подтвердились мои безумные теории о том, что енохианский – это язык ангелов, который похитили и сберегли фейри. Хотелось, чтобы он оказался тем самым сакральным первым языком, на котором говорил Бог, создавая мир. Которому Он научил Адама и который разделил в Вавилоне.

А потому я продолжала упорствовать, стараясь разобраться с остальным текстом. И хотя отрывки не обретали смысла, иные повторяющиеся короткие слова начали задерживаться в голове несколько дольше.

За работой мне снова вспомнился ответ мисс Давенпорт по поводу сцены в часовне. Я могла бы поверить, что все эти приготовления – ловкая проделка и не было никакого прерванного причастия, лишь чье-то страстное желание создать его видимость. Но подобные диорамы создаются для того, чтобы их увидели. И если все это предназначалось не для моих глаз, то, должно быть, для чьих-то еще.

Но чьих?

Свеча оплыла. Мои сбивчивые мысли уже не следовали друг за другом, их завлакивало дремотой. Глаза не могли больше сосредотачиваться на словах.

Крайне утомленная, я, спотыкаясь, подошла к умывальнику и плеснула водой в лицо. Ее прохлада успокаивала, но усталости не смывала. До постели было всего несколько мучительных шагов.

Едва мои веки закрылись и я растворилась среди простыней, как в глубинах разума что-то всколыхнулось. Беспокоило, точно ноющий зуб. Дергало ускользающие мысли... Я о чем-то позабыла.

Той ночью мне приснился Лаон.

Он лежал в саду под ивой, положив голову на колени бледной, очень бледной женщины. Та обнимала его и гладила по лицу, а он вздыхал от ее прикосновений. Коричневые и цвета белого золота локоны женщины ниспадали на его черные волосы.

Длинные, тонкие ветви ивы обрамляли эту идиллию, а я казалась там непрошеной гостьей.

Лаон и женщина едва слышно перешептывались друг с другом. Нежные, ласковые слова касались их ушей, словно поцелуи. Интимные и тайные.

Внезапно у меня перехватило дыхание.

Заостренное и странное лицо женщины было мне незнакомо. Она обернулась и взглянула прямо на меня пронзительными янтарными глазами. Попавшись в них, словно в ловушку, я увидела собственное отражение. Увидела себя такой, какой меня видела она – жалкой и ничемной. Насекомым. Долговязым, нескладным и серым, точно моль перед бабочкой.

Я отпрянула было, но взгляд этой женщины пригвоздил меня к месту. Меня изучали, будто только что вынутого из банки и разложенного на доске мотылька. Все мои изъяны были выставлены напоказ.

Женщина рассмеялась. Мой брат смотрел на нее с благоговением, а меня совсем не видел. Он выхватил из воздуха ярко-алую ленту и перевил ею волосы незнакомки. Его длинные красивые пальцы ловили ее легкие, похожие на облака, локоны.

Мне хотелось окликнуть брата, заставить Лаона меня заметить. Хотелось сказать, что я ждала его, что проделала весь этот путь, надеясь его увидеть, но голос пропал.

Я бежала к ним изо всех сил, но пара под ивами лишь оказывалась все дальше и дальше. Расстояние между их телами сократилось, кожа коснулась кожи, и мне было не отвести взгляд.

Сон продолжался еще некоторое время, а когда я наконец проснулась, глаза покраснели и ныли от непролитых слез, а сердце болело.

Глава 8. Слова в книге

Железо или сталь, в форме игл, ключа, ножа, пары щипцов, открытых ножниц или в любом другом виде, будучи помещенными в люльку, обеспечивают желаемый результат. В Болгарии для той же цели в углу комнаты ставят серп. Я не буду здесь останавливаться и обсуждать причины, по которым сверхъестественные существа боятся и не любят железа. Однако следует заметить, что открытые ножницы обладают удвоенной силой, поскольку они не только сделаны из ненавистного для этих созданий металла, но и имеют форму креста.

Эдгар Шелли Хартленд. «Тайны стали»²⁷, еженедельный иллюстрированный журнал «Железо», напечатанный и изданный Джеймсом Бонсаллом в типографии журнала «Механика», 1846 г.

Ноги болели. Я не знала, как долго кружила по своей комнате.

Дни ожидания превратились в недели, и мое заточение в стенах Гефсимании сделалось невыносимым. События мало отличались друг от друга: мистер Бенджамин по-прежнему был сверх всякой меры любезен и непредсказуем в своих расспросах; мисс Давенпорт занимала меня шитьем и вязанием под долгие вздохи и рассказы о ее человеческой семье. А Саламандры, разумеется, нигде не было видно.

Времена года, насколько их можно было принять за таковые, шли своим чередом, а маятник солнца продолжал свое странное движение. Его колебания все уменьшались, и светило уже не проплывало над головой. Полдни сделались чуть темнее, а полночи – чуть светлее. Сами дни, конечно, не становились короче, поскольку время, необходимое маятнику для завершения движения, оставалось постоянным – это я помнила из своих уроков.

Однако спала я все меньше и меньше, окруженная вопросами, которые появлялись благодаря записям, мистеру Бенджамину и моему собственному разуму.

Дневник преподобного продолжал надо мной насмехаться, и как-то поздно ночью я наконец сдалась. Хотя и знала, что не должна его открывать. Но сказала себе, что просто взгляну на почерк Роша, чтобы определить, написан ли какой-нибудь из других документов рукой преподобного.

И пусть я не вполне верила собственным словам, этого оправдания было достаточно, чтобы позволить себе вынуть тетрадь и подержать ее в руке.

Вцепившись пальцами в жесткую ткань юбки, я решительно развернулась. Стараясь глубоко дышать и не останавливаться, отчаянно искала успокоение в привычных движениях.

Я вертела в руках дневник, не решаясь к нему подступить, но он выскользнул у меня из рук и раскрылся:

«Стены, окна, стены. В них нет смысла. У этого места есть история, но я не могу ее прочесть. Это история, рассказанная безумцем.

Их обещания, их клятвы, их гейсы должны стеснить тебя, сковать тебя, сокрыть тебя. Они здесь, чтобы ослепить тебя и опутать.

Их правда – это не наша правда. Для них она – не более чем оружие».

Я еще ничего не успела понять, а глаза уже скользили по строчкам. Сердце сжалось.

²⁷ Прямая цитата из книги фольклориста Эдвина Сидни Хартленда (1848–1927) «Наука о сказках: исследование сказочной мифологии» (The Science of Fairy Tales: An Inquiry into Fairy Mythology).

Миссионер, разумеется, пропал, и не было ни малейшей причины считать его безумную писанину правдой. Не было ни малейшей причины думать, что он имел на это право.

Но именно таких слов боялась моя беспокойная душа, и именно на них надеялась.

Мои пальцы терли уставшие глаза, до того сухие, что их даже жгло. Ногти впивались в кожу, и болезненные уколы лишь напоминали, что мне тесно внутри самой себя. Хотелось быть одновременно повсюду. Везде, где угодно, только не здесь.

Семя сомнения упало в землю. Мне не следовало читать эту тетрадь. Предупреждение преподобного Хейла оказалось более пророческим, чем тот мог себе представить.

Раздался стук, и в дверях комнаты появилась мисс Давенпорт. Она, как всегда, раскраснелась и казалась слегка запыхавшейся, будто только что вернулась с долгой прогулки. Я уже знала, что, даже простояв на месте несколько часов, она будет выглядеть точно так же.

– Догадывалась, что найду вас здесь, мисс Хелстон, – весело сказала она. – Погода просто божественная, и я подумала, что мы должны провести день за вязанием в верхней комнате. Моя шаль почти закончена и, полагаю, чтобы приступить к носкам, мне потребуется ваш совет.

С минуту я молчала, стараясь придумать ответ, а мои ладони без устали терлись друг о друга. Я начинала воспринимать мисс Давенпорт как свою тюремщицу, что было жестоко и в конечном счете несправедливо, но ее кажущаяся свобода вызвала у меня лишь горечь.

– Мне нужно выйти, – сказала я. – Я... Я уже слишком давно здесь.

– Можем прогуляться по саду.

Обрамленное стенами небо не могло принести мне облегчения. Я покачала головой.

– Или по крыше?

Я снова покачала головой. Мелькавшие в тумане и за его пределами дали стали бы для меня сейчас жестокой насмешкой.

Я обернулась и посмотрела ей в глаза.

Мисс Давенпорт не отвела взгляда, как это обычно случалось. У нее была неприятная привычка смотреть чуть мимо меня.

– Постарайтесь успокоиться, – сказала она. – Пожалуйста, Кэти.

Собственное имя обожгло меня, словно пощечина. Я отпрянула, а в глазах мисс Давенпорт не появилось и проблеска удивления.

– Вы не имеете права обращаться ко мне подобным образом, – произнесла я. – Мы с вами не друзья.

– Но, Кэтрин...

– Вы мне ничего не рассказываете. Мы без конца разговариваем, но вы продолжаете держать меня во мраке и неведении. Все время твердите, что замок построен на тайнах, но мы не можем строить на них друж...

– Вам стоит успокоиться.

Ее рука потянулась ко мне. Возможно, мисс Давенпорт хотелось, чтобы это выглядело приветливо, но перед ней была непугливая лошадь, которую можно обмануть уверенным голосом и ласковым жестом.

Я сделала шаг назад:

– Не прикасайтесь ко мне.

– Пойдемте со мной.

– Нет.

– Успокойтесь, и мы поговорим. Обещаю.

Я покачала головой:

– Мне нужно выбраться.

Именно в тот момент я поняла, что, расхаживая по комнате, оказалась между мисс Давенпорт и дверью. Створка позади меня была приоткрыта.

Я развернулась и побежала.

Глава 9. Пес среди тумана

По большому счету, волшебный народец обладает всеми основными чертами людей. У них те же части тела, из которых состоит человек, – два глаза, два уха, две руки и две ноги. Они смеются, когда веселы, и плачут, когда грустны; спят, если устали, и едят, если голодны; радуются своим успехам и скорбят о своих потерях так же, как и люди.

Однако тот, кто долго общался с ними и ближе прочих знаком с их нравом и привычками, не ждет, что кто-нибудь из волшебного народа станет говорить правду, если есть возможность солгать. Хотя согласно своим же законам и собственными же устами (коих, как правило, два) они скажут вам, что ложь и обман – это гнусный грех.²⁸
Уильям Финкл и Хильдегард Фосснейм. Аркадские путешествия, включающие разнообразные рассказы первопроходцев, заметки о культуре и климате

Наверное, я заблудилась.

Я выбежала из дома, едва натянув перчатки. Мне нужно было оказаться подальше от этих стен.

Сердце металось в груди, словно подхваченный штормом корабль. И каждый хрип, каждый сдавленный выдох только сильнее волновал это судно.

Мысленно я твердила: выходя за эти стены, я лишь доказываю самой себе, что способна на подобное. Что камни не могут меня удержать. Повторяла, что хочу только встать за решеткой ворот и оглянуться на свою недавнюю тюрьму. Убеждала себя, что просто хочу побыть снаружи.

Но вскоре забрела слишком далеко.

Из Гефсимании вела грунтовая дорога, постепенно исчезающая под ногами, и уже в пяти шагах от стен я едва могла ее различить. Дорога спускалась с кручи, на которой стоял замок, и шаг за шагом любопытство увлекало меня в море клубящегося тумана.

Пока я все шла и шла вперед, было прохладно, но холод не жалил, а теплый белый пар моего дыхания сплетался с серой мглой.

С каждым шагом под ногами сгущался туман, а я воображала себе пушистый мягкий подлесок. Чувствовала, как трепещут на моих юбках побеги, касаясь меня похожими на пальцы листьями. Разворачиваясь подобно крыльям, они разлетались одуванчиками.

Из тумана возникали беззаботные лица. Как и прежде, они казались мне диковинными и волшебными. Сначала проступали улыбки, которые становились все шире и шире, а тем временем вокруг них сплетались остальные черты. В воздухе, скручиваясь друг с другом, повиляли странные извивающиеся существа. Капельки тумана орошали причудливые конечности. Распахивалось множество глаз цвета лунного камня, внимательных и немигающих.

Одно из крошечных лиц улыбнулось мне. Оно выглядело таким простодушным, таким детским в своем порыве, что я улыбнулась в ответ.

Существо протянуло ко мне тонкую трехпалую руку.

Вдалеке раздался звук, похожий на выстрел.

²⁸ Чуть измененная цитата из книги Уильяма Дина «Миссия в Китай» (The China Mission), изданной в 1859 году, в оригинале вместо «волшебный народец» написано «китайцы».

Вздвигнув, наполовину оформившееся создание подернулось рябью и начало таять с выражением безграничного ужаса на лице. Молочно-белые лунные камни глаз продержались еще мгновение после того, как все прочее исчезло.

Я отшатнулась и обвела туман взглядом.

Звук раздался снова, и только тогда я поняла, что это собачий лай.

Туман закружился вокруг меня, небо потемнело. Призрачные создания раскрыли бледные пасти и беззвучно закричали. Их перекошенные лица все сильнее и сильнее проступали из дымки, порываясь вселить страх, но кругом стояла лишь оглушительная тишина. Раскидистые тени папоротников стали похожими на руки, тянулись от серой земли, старались схватить и удержать. До подола моей юбки они не дотягивались, но попыток не оставляли.

Сквозь туман прорвался черный пес. Мои уши наполнил его неожиданный, резкий лай. В отличие от созданий мглы, что клубились матовым эфирным туманом, собака, казалось, пылала подобно адскому пламени. Туман отпрянул от нее, а там, где все-таки успел коснуться, его щупальца превращались в клочья дыма.

Призрачный пес с горящим взглядом выскочил напрямик из тех историй, что рассказывают вечерами у камина. Кухарка пугала нас подобными выдумками – Гитрашем²⁹, Баргестом³⁰ и прочими порождениями теней, что бродят по бескрайним болотам. Некоторые из них – потерявшиеся собаки, которые ждут своих давно умерших хозяев, но большинство просто устраивает засады на одиноких путников.

Что-то пронеслось мимо меня. Черная и слишком плотная тень. Я услышала низкое, гулкое рычание, которое словно окружило меня со всех сторон. От этого глубокого, раскатистого звука кровь застыла в жилах, а по спине бежали мурашки.

Я обернулась, пытаюсь разглядеть виновника своего ужаса.

Черный пес стоял позади меня. Он развернулся и одним прыжком сократил расстояние между нами.

Грудь сдавил ледяной страх. Чудовищные размеры зверя ошеломляли. Он повернул ко мне огромную, точно у льва, голову, и его тлеющий взгляд опалил мне душу. Я отшатнулась и почувствовала, как рассыпаются хрупкие пальцы туманного подлеса, старавшиеся схватить и оцарапать меня. Они хрустели под ногами, точно кости.

Туман кишел извивающимися существами. Словно отражение моих беспокойных мыслей, они все напоздали и напоздали одна на другую, гонялись, кусали за хвосты. Пожирали друг друга в змеящемся месиве.

Сквозь клубы тумана мчался всадник на огромном, похожем на коня существе. Он прорезал дымку, точно вуаль.

Я охнула.

Чутье подвело. Слишком потрясенная, чтобы двинуться с места, я наблюдала, как всадник летит на меня.

Зверь поднялся на дыбы, кожистые крылья развернулись, а острые копыта ударили по воздуху. Всадник скатился со спины скакуна, а тот, встряхнув гривой, прогарцевал дальше.

Услышав стон, я пришла в себя. Этот звук был таким привычным, таким человеческим.

Я приблизилась.

На меня снизошло ледяное спокойствие. Теперь я смотрела на свою панику со стороны, словно через зеркало.

– Вам очень больно? – спросила я.

Всадник попытался подняться на ноги, но снова упал.

²⁹ *Гитраш* – в фольклоре Йоркшира призрачное существо, способное принимать форму собаки, лошади или козла, встреча с которым сулит смерть.

³⁰ *Баргест* – мифическое существо из английского фольклора, чаще всего принимает вид черного пса с горящими глазами, огромными когтями и клыками. Считается злым духом, приносящим несчастье и горе.

– Я могу позвать на помощь. Я живу совсем... – Я запнулась и подумала об изменчивом тумане и своей размолвке с мисс Давенпорт.

Клубящаяся тьма между нами удушающе сгустилась вокруг всадника, но и сквозь нее я смутно различала очертания серых рук, смыкавшихся на незнакомце. И они сжимались кулак за кулаком.

– Оставайтесь на месте, – произнесла я с гораздо большей уверенностью, чем на самом деле ощущала, – я приведу вашу лошадь.

Ужас грохотал у меня в жилах. Я побежала успокоить перепуганного зверя. Тот казался вихрем из копыт и крыльев.

И лишь когда моя рука уже коснулась мягкого чешуйчатого носа, я задумалась, отличаются ли животные Фейриленда от тех, что мне привычны.

Схватила поводья и, бормоча какую-то ласковую чепуху, погладила скакуна по гриве, хотя та и вспыхивала пламенем под моей ладонью. Зверь пританцовывал, постепенно успокаиваясь. Его крылья в последний раз хлопнули и сложились.

Под моими пальцами раздувались перистые жабры. Можно было на ощупь почувствовать это спокойное дыхание. И свой страх я видела таким же золотоглазым зверем, как тот, которого касались мои руки. Я гладила и гладила диковинного скакуна, и вместе с ним постепенно успокаивался мой собственный ужас. Золотистые глаза, взглянув на меня, казалось, смягчились, а затем внезапно моргнули и стали синими.

Я повела зверя к упавшему всаднику.

– Кэти?

Голос звучал недоверчиво. Но был очень и очень знакомым.

– Нет, этого не может быть, – теперь в словах слышался испуг. – И именно сегодня... Кто ты?

Туман окутывал всадника, скрывая черты, но я его узнала. Сердце затянулось узлом. Я знала этот голос, это движение плечами, этот поворот головы. Знала руку, которая тянулась ко мне. Знала как свою собственную.

– Лаон?

Услышав мой голос, он на миг дрогнул и отвел руку.

– Что ты за иллюзия?

– Это я. Никаких иллюзий.

– Туман становится все коварней, – пробормотал он скорее для себя, чем для меня. – Если пытаешься соблазнить меня, дух, то, боюсь, сейчас я для этого совершенно негоден.

– Я... Я – твоя Кэти. Твоя сестра.

Он хмыкнул и едва слышно выругался. Мука, прозвучавшая в его голосе, отразилась и во мне. Я поняла, что мне не верят.

– Не важно. Мне нужно кое-что... – Он снова болезненно сморщился.

– Ты сможешь двигаться?

– Наверное. Но я не могу ступить на лодыжку. Упал на нее. – Он огляделся по сторонам: – Диоген! Что с моим псом?

– Я не знаю, где он.

Лаон пронзительно свистнул, и огромный черный зверь примчался назад. Пес кружил вокруг нас, исчезая в тумане и появляясь вновь.

Я сглотнула, чувствуя, как по шее пробежал холодок, когда собака скрылась за спиной. Она затаилась где-то там, среди теней.

– Зато я привела твою... лошадь.

– С этим мне понадобится помощь, – с усталостью и недоверием он взглянул на протянутую мной руку. – Могу я надеяться, что ты не растаешь, когда я на тебя обопрусь?

Я кивнула, хоть и понимала, что он не видит меня в тумане, и добавила:

– Можешь мне довериться.

Его ладонь – надежная, словно якорь в туманном море, – сжала мою. Я чувствовала тепло брата. Его дыхание касалось моей кожи.

Лаон стиснул зубы и попробовал с моей помощью подняться. После двух неудачных попыток ему это удалось, и он положил руку мне на плечо. От напряжения дыхание брата сделалось неровным.

Он тяжело оперся на меня, и мы вдвоем, пошатываясь, направились к лошади.

– Я не смогу поехать с тобой, – сказала я.

– Конечно же, нет.

– Ты направляешься в Гефсиманию?

Он невесело рассмеялся.

– А разве не все мы туда направляемся?

– Что ж, я – да.

Опираясь на меня, он взобрался в седло и, перебрасывая ногу, зашипел от боли.

– Может быть, там тебя и увижу.

– Мо... Может быть. – Я не была уверена, стоит ли его поправлять. Лаон не поверил бы, им, казалось, завладел туман.

– Тем не менее спасибо.

Он вздохнул и пришпорил скакуна. Кожа зверя перекатывалась при ходьбе, мышцы под ней шевелились, точно змеи. Лаон снова свистнул псу. Тот не появился, но я почувствовала, как шевельнулись тени.

Наблюдая, как брат растворяется во мгле, я не смогла сдержать слез. Казалось, Лаон все еще рядом. Возможно, дело было в тумане, который сбивал с толку, заволакивая и делая неясным все вокруг. Я дрожала, но уже не из-за страха.

Не оглядываясь, Лаон бросил:

– Хотя я бы предпочел, чтобы ты не мучила меня, принимая облик моей сестры.

Сумрачная темно-серая мгла сомкнулась вокруг меня. Она поднималась и опадала, точно волны. По всей долине разносилось грохочущее эхо. Туман завивался водоворотами, а над ним скользили огромные тени.

У меня подломились колени. Я опустилась на землю и закрыла лицо ладонями. Надо мной сгустилась тьма. Подняв взгляд, я увидела, как странная громада тумана распалась надвое. Его осколки, такие же бесплотные, как и все прочие фантомы этого места, дождем сыпались вокруг. Я попыталась утереть слезы. От шерстяных перчаток защипало глаза. Горячая влага пропитывала ткань и остывала на ней.

Сняв перчатки, я неожиданно увидела, что долина вокруг меня усеяна призраками затонувших кораблей. Несмотря на туман, я разглядела показавшуюся бесконечной равнину, полную разорванных парусов, разбитых корпусов и погнутых мачт. Над ними кружили полупрозрачные змеевидные твари, обвиваясь вокруг белых обшивок кораблей. По судам в отдалении стекали похожие на слезы рыбы, а среди обломков в безумном исступлении плясали русалки и рвали на себе волосы.

В здание миссии я вернулась далеко не сразу.

Глава 10. Брат в холле

Беспокойство, которое постепенно охватывает того, кто вошел в жилище феэри, вызвано не грубостью или скудостью обстановки, а также не отличием ее от более привычной для посетителя.

Это скорее результат безотчетного ощущения чего-то недостающего. Того, что не сможет восполнить даже королевское великолепие. Здесь отсутствует то, что придает обаяние любому дому; то, что способно даже бедность облачить в одежды красоты и безмерного счастья; то, что среди уныния способно наполнить дом бесконечной радостью. И это – дух любви.

Отсутствие тех таинственных уз любящего единения, которые неразрывно связывают сердца христианских семей, печально проявляется почти в каждом языческом доме, который мы посещаем. Тоска и нехватка той искренней взаимной симпатии, которая является самой основой семейного счастья, способна вызвать в памяти родные английские края и дать более глубокое понимание благодати христианства.

Уильям Финкл и Хильдегард Фосснейм. Аркадские путешествия, включающие разнообразные рассказы первопроходцев, заметки о культуре и климате

Когда я наконец вернулась в Гефсиманию, замок был наполнен светом и маяком возвышался над туманом. Я разглядела его задолго до того, как добралась до ворот. Призрачные существа роились вокруг, словно зачарованные этим ярким сиянием. Именно тогда я заметила, что большинство из них не отбрасывает тени. На фоне каменной стены замка они казались бледными и нереальными.

При моем приближении поднялась решетка. Я услышала торопливые шаги, но никого не увидела.

Ворота следовали одни за другими, брусчатка давила на мои израненные ноги. Очень хотелось снять обувь. В дальнем конце двора виднелись каменные арки главной башни. Я устало поднялась по ступеням, которые на миг показались мне невероятно высокими.

Свисавшие с арок деревянные панданы казались еще более острыми и похожими на зубы, чем прежде. Я налегла плечом на окованную железом дверь. Та была очень тяжелой. Уши наполнил скрип петель.

Едва я вошла, как дверь со скрежетом захлопнулась и по холлу разнеслось эхо – слишком громкое, несмотря на мириады гобеленов и ковров, покрывавших пол и стены.

Изящные стропила уже не казались далекими и прекрасными. Когда-то я считала, что они напоминают птичью клетку, но теперь могла думать лишь о вздымающихся ребрах огромного зверя, который меня поглотил. Ветер пронесся через холл и с воем умчался в верхние коридоры. Посеребренные портьеры и гобелены затрепетали и снова замерли. На три торопливых удара сердца все застыло.

В тумане я уже успела пасть духом, и те слезы только-только высохли. Я сказала себе, что больше не заплачу.

А затем все снова ожило и задышало. По залу заструился воздух. Я услышала дребезжание ставен и низкий стон деревянных украшений потолка. Весь холл, казалось, вздрогнул, прежде чем снова стихнуть.

Раздались прихрамывающие шаги. Стукнула дверь.

– Что ты здесь делаешь?

Я подняла голову и на одном из балконов, обрамленных богато украшенными арками, увидела брата. Он тяжело опирался на трость. Каменные выступы отбрасывали неровные тени на его лицо, но мне не нужно было отчетливо видеть Лаона, чтобы понять – он взбешен.

Застигнутая врасплох, я могла лишь смотреть. Ведь мне казалось, стоит нам выбраться из тумана, и он меня узнает.

Ко мне подбежала его собака, черная как смоль и куда более заурядная при свете. Она с видимым удовольствием завиляла хвостом и громко залаяла.

– Прочь, дух! – велел Лаон, ковыляя с одного края длинного балкона к другому.

Незнакомый, сбивчивый ритм его походки сбивал с толку и беспокоил меня. Зубчатые арки отбрасывали на лицо брата темные тени. Он захромал вниз по лестнице к холлу, ковер которого казался алым языком на фоне мрачных цветов.

– Почему ты мучаешь меня? Тебе приятно видеть меня таким? Разве ты недостаточно терзал меня?

Он был высок, выше, чем я его помнила. Возможно, дело было в тених и лестнице, но Лаон прямо-таки нависал надо мной.

– Я твоя сестра, – я расправила плечи. – Лаон, брат...

– Не называй меня этим именем! Ты не имеешь права, дух. Не притворяйся, что обладаешь плотью, и не порти мне пса! Разве не достаточно, что...

– Нет, это ты права не имеешь! – я швырнула обратно его ядовитые слова. Во мне запылал гнев. Крепко сжав кулаки, я встретила взгляд Лаона. Пес отпрянул и сжался от моего возгласа. – Я без конца писала письма, молила позволить сюда приехать, встать рядом с тобой, помогать тебе. И не для того, чтобы ты меня бранил и унижал. Я так далеко зашла, а меня принимают за какого-то глупого духа? Я-то надеялась, что брат меня узнает. – Меня трясло, я чувствовала, что едва держусь на ногах. Глаза грозили разразиться слезами, но я упрямо отказывалась закрыть их. Мои ноздри раздувались. – Или я ошиблась в том, кого люблю?

Словно громом пораженный, он уставился на меня, его ясные голубые глаза почти смягчились. У него не было слов. Я видела, что причинила ему боль. Не хотела говорить настолько резко, но, увы, вышло совсем иначе.

– Если нет иного способа, можешь задать мне какой-нибудь вопрос. Спросить о тайне, которую знаем только мы вдвоем. Раз уж Аркадия и вправду настолько коварна. – Я попыталась улыбнуться, но поняла, что моя улыбка похожа скорее на гримасу. Я так долго ждала встречи с ним, терпела заточение в его доме, и вот он здесь и отказывает мне даже в моем собственном «я». – Неужели так невероятно, что перед тобой на самом деле твоя сестра? Неужели ты не веришь, что я смогла и последовала за тобой? Неужели не веришь, что моих сил и любви достаточно, чтобы приехать? Неужели не веришь, что мне не безразлично...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.